

*Г. А. Мольков*

*ИЛИ РАН, Санкт-Петербург*

## **ЯЗЫК И ПИСЬМО МИЛЯТИНА ЕВАНГЕЛИЯ<sup>1</sup>**

Древнерусская рукопись из собрания Российской национальной библиотеки (Ф.п.1.7), известная в науке как Милятино евангелие (далее сокращенно — МЕ), состоит из 160 листов и содержит евангельский текст в формате полного апракоса. Среди прочих древнерусских кодексов домонгольского периода, не имеющих по сей день всестороннего лингвистического описания, МЕ привлекает внимание необычной широтой датировки, предлагавшейся разными исследователями: от конца XI в. до начала XIII в. Значительные расхождения в датировке рукописи в первую очередь обусловлены плохой изученностью ее языковых особенностей. Систематическое их описание в особенности необходимо в связи с тем, что языковой материал данного памятника со времен А. И. Соболевского активно цитируется в исследованиях по истории древнерусского языка. История бытования примеров из МЕ в научной литературе показывает, насколько рискованно использование выборочного языкового материала без учета данных языка и письма памятника в целом.

Взгляды ученых на проблему датировки МЕ с XIX в. по настоящее время претерпели определенную эволюцию. Началом XIII в. (1215 г.) рукопись датировал И. И. Срезневский [Срезневский 1882: 92], эту датировку повторили Г. А. Воскресенский [Воскресенский 1896: 44] и А. И. Соболевский [Соболевский 1907: 14]. По общему впечатлению от основного почерка МЕ И. И. Срезневский оценил его как устав XIII в. и, кроме того, обосновал эту датировку, интерпретировав данные записи к рукописи (л. 160б<sup>2</sup>).

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-34-01009 «Древнерусские рукописи XII в.: исследование и подготовка к изданию».

<sup>2</sup> Полный текст записи: помоцнiо х̄кюю напнсаша с̄а. ст̄нн̄ б̄овндьчн̄ а̄п̄лн̄ · д̄ · е̄ӯан̄г̄лн̄стн̄ · iоан̄з̄ · н̄ мат̄ѳ̄е̄н̄ · лоӯка · н̄ марк̄з̄ · амн̄нз̄ · в̄з̄ голодьно̄е̄ л̄ѣ̄то напнсаш̄з̄ е̄ӯан̄г̄лн̄е̄ · н̄ а̄п̄л̄з̄ · ѳ̄ко̄е̄ ѳ̄дннѳ̄омь̄ л̄ѣ̄ · д̄з̄м̄з̄к̄а · по̄ · оӯ ст̄т̄го лазор̄а · по̄ж̄ · а̄ по̄кел̄ьнн̄емь̄ · мн̄ла̄тнн̄омь̄

В ней упоминается заказчик рукописи — некто *млнлѣта лоукнннчѣ*, и некоторые персонажи 1-й Новгородской летописи в статьях 1186 г. и 1216 г., по мнению И. И. Срезневского, могли быть родственниками этого заказчика. Выбор точной даты — 1215 г. — обусловлен тем, что, по сообщению приписки, евангелие переписано в голодный год: «Голодное лето, как кажется, есть лето 1215 г.» [Срезневский 1882: 92]. Несколько удревняет датировку — но также с опорой лишь на информацию, содержащуюся в записи — Н. В. Волков:

Пример поправки года рукописи посредством списка церковей — 1188 г. Милятина евангелия, которое, по И. И. Срезневскому, принято считать написанным в 1215 г. Церковь Петра и Павла была заложена Лукиничем в 1185 г. и вскоре были заказаны для нее книги, из которых евангелие и апостол писал Домка, священник церкви Лазаря, а в 1188 г. действительно и было ближайшее ‘голодное лето’ [Волков 1897: 16].

К датировке 1188 годом позже присоединилась Л. П. Жуковская, которой отнесение МЕ к 1215 г. представлялось слишком поздним в силу архаичности правописания рукописи [Турилов 1981: 345].

Первым отметил недостаточную обоснованность датировки МЕ концом XII — началом XIII в. В. Л. Янин [1982]. Он высказал предположение о тождестве писца по имени Домка сентябрьской и октябрьской служебных Миней ок. 1095–1096 гг. и Домки — первого писца МЕ [Янин 1982: 59], что позволило датировать МЕ концом XI в. При таком подходе к датировке рукописи она оказывается включенной в круг памятников, созданных в скриптории при монастырской церкви св. Лазаря<sup>3</sup>. Тем не менее, свои соображения В. Л. Янин завершает замечанием:

---

*лоукнннчѣмь ѿ крнлѣ боѣв кнннѣ на спѣненнѣ соѣѣ ѿ на сѣдрвннѣ амннѣ* ж; текст записи неоднократно публиковался [Срезневский 1882: 91; Воскресенский 1896: 43; Еселевич 1964: 245–246; Столярова 2000: 38].

<sup>3</sup> Кроме МЕ, В. Л. Янин в названной работе относит к продукции Лазаревского скриптория 10 рукописей рубежа XI–XII вв. из собрания РГАДА: служебные Миней на сентябрь и октябрь ок. 1095–1096 гг., Миней на январь, февраль, апрель, июль, август, Триодь цветную и Стихирарь. В дальнейшем в этот список был внесен ряд дополнений. Л. В. Столярова включила в этот комплекс также ноябрьскую Минею 1097 г. [Столярова 1998: 198]. Более существенные поправки сделаны Е. В. Ухановой: по палеографическим и кодикологическим признакам

Вопросы датировки МЕ должны решаться в первую очередь выяснением индивидуальных особенностей почерка Дъмьки, т. е. последовательным сравнением графики сентябрьской и октябрьской миней с графикой МЕ [Янин 1982: 61].

Таким образом, сообщение В. Л. Янина показало неудовлетворительность существующей датировки рукописи.

При этом ученые, подключившие к вопросу о датировке памятника его языковые данные [Осипов 1986; Уханова 2009], вполне уверенно локализируют время создания МЕ первой половиной XII в. Б. И. Осипов, проанализировав ряд особенностей почерка Домки из МЕ, подверг сомнению возможность одновременного написания Домкой Миней и МЕ:

Принимая предположение, что Домка миней и Домка евангелия — одно и то же лицо, нельзя однако не обратить внимания на то, что писец Милятина евангелия гораздо опытнее: сохраняя в общем неустойчивый характер почерка, он заметно реже делает ошибки (в частности, характерные ошибки на пропуск букв), а кроме того, 2-й писец евангелия явно работает под руководством Домки, так как в некоторых местах, написанных 2-м почерком, видим Домкину правку. Это дает основание предположить, что евангелие написано позднее миней, но, конечно, не позднее середины XII в. [Осипов 1986: 146].

В качестве потенциальной даты написания МЕ Б. И. Осипов, дополнительно опираясь на летописные данные о голодных годах, предлагает 1127 г. [Осипов 1986: 157].

К языковым данным МЕ обратился в специальном исследовании Е. Закшевский, проанализировавший состояние редуцированных гласных в памятнике. По результатам анализа Е. Закшевский [Закшевский 1986] присоединяется к датировке рукописи концом XII в.<sup>4</sup> Предварительный анализ состояния редуцированных

---

исследователь исключает из числа книг, созданных в Лазаревском скриптории, Стихирарь и Триодь цветную, но включает в данный круг памятников Типографский Устав рубежа XI–XII вв. (ГТГ, К–5349), а также три Миней начала XII в. — «на март (РГБ, М. 1337), апрель (РНБ, Соф. 199) и октябрь (БАН, 16.13.54)» и «Параклит (Львів, Національний музей, Рк. Q. 404/31333)» [Уханова 2009: 213].

<sup>4</sup> Работа Е. Закшевского подробнее рассматривается ниже, при описании редуцированных.

гласных в рукописи был проведен Е. В. Ухановой, он «привел к выводу об отсутствии в нем следов падения редуцированных, что делает невозможным датировку памятника позднее середины XII в.» [Уханова 2009: 215–216]. Отметим, что этот вывод не совпадает с датировкой Е. Закшевского. По наблюдениям Е. В. Ухановой [Уханова 2006: 242], на первую половину XII в. указывает также ряд палеографических параметров рукописи: архаичное написание буквы *w*, совпадение характерных начертаний отдельных букв *ME* с начертаниями *Домки* в минеях ок. 1095–1097 гг.

Гипотеза Янина существенно перерабатывается в работах Л. В. Столяровой [1994, 1998, 2000, 2010]. Факт совпадения имен писца новгородских миней и *ME*, а также то обстоятельство, что, согласно записи, *Домка ME*, видимо, был связан с Лазаревским скрипторием, не позволяют Л. В. Столяровой полностью отказаться от доводов В. Л. Янина. Однако при этом предпринятый ею сопоставительный кодикологический и палеографический анализ миней на сентябрь, октябрь и *ME* «не дает никаких оснований для подтверждения предположения Янина о тождестве почерков двух писцов, назвавшихся в своих записях одним именем — “Дъмька”» [Столярова 1994: 16]. Чтобы разрешить это противоречие, Л. В. Столярова [1994: 19–20] предлагает считать, что «писца Евангелия конца XII — начала XIII вв. звали как-то иначе и что он только переписал из протографа вместе с основным текстом выходную запись, содержащую имя *Домки* — писца рукописи и ее заказчика *Миляты Лукинича*». В рамках этой концепции сохраняется датировка *ME* концом XII в., но при этом не делается никаких комментариев по поводу языка рукописи.

С более резкой критикой гипотезы В. Л. Янина выступили Л. В. Мошкова и А. А. Турилов, оспорившие возможность опираться на совпадение имен писцов для дальнейших выводов. Вывод Столяровой о копировании записи писцом *ME* Л. В. Мошковой и А. А. Турилову также представляется недостоверным:

Содержание записи не дает оснований полагать, что она представляла хоть какой-то интерес для копииста — в ней отсутствует как авторитет древности (нет года), так и авторитет происхождения [Мошкова, Турилов 2003: 36].

Попытка установить, какой интерес могла представлять подобная запись для копииста, была предпринята А. А. Гиппиусом [Гиппиус 2007: 41–43].

Общим итогом исследований XX–XXI вв., специально посвященных проблеме датировки МЕ, можно считать отнесение его создания к XII в. Датировка началом XIII в., предложенная И. И. Срезневским, по результатам работ В. Л. Янина, Б. И. Осипова, Л. В. Столяровой, А. А. Гиппиуса, Е. В. Ухановой может считаться устаревшей.

Вместе с тем эволюция представлений о времени создания МЕ почти не отразилась в работах по исторической русистике, использующих примеры из памятника в качестве иллюстраций для тех или иных языковых процессов. Такая ситуация возникла, по-видимому, в связи с тем, что цитируемый материал МЕ почти во всех случаях заимствуется из «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского [1907], где безоговорочно принята датировка И. И. Срезневского и МЕ выступает как рукопись 1215 г. Всего А. И. Соболевский приводит около двух десятков примеров из рукописи, значительная часть которых иллюстрирует процессы в истории именного склонения. При этом все словоформы из МЕ (как рукописи XIII в.) рассматриваются А. И. Соболевским вместе с цитатами из других памятников XIII–XIV вв., и под влиянием этого создается обманчивое впечатление, что датировка 1215 г. столь же надежна, как и у других поздних рукописей, цитаты из которых представлены в подборке А. И. Соболевского. Этот эффект усиливается в тех случаях, когда пример из МЕ является древнейшим в подборке (напр., с. 182, 236), что может дать неверное представление о хронологии отдельных языковых процессов.

По примеру А. И. Соболевского МЕ как рукопись 1215 г. (чаще всего — без уточнений того, что это условная дата) фигурирует в следующих работах: [Васильев 1909; Дурново 2000 (1924); Фалев 1927; Карский 1979; Кузнецов 1953; Соколова 1962; Борковский, Кузнецов 1963; Еселевич 1964; Шепелева 1972; Марков 1974; Вонтрубка 1977; Колесов 1980; Горшкова, Хабургаев 1981; Иванов 1982; Хабургаев 1990; Зуга 2002<sup>5</sup>; Шульга 2003; Колесов 2009].

---

<sup>5</sup> Например, на странице 164 диссертации О. В. Зуги значится «Милятино Евангелие 1215 г.». Но следует отметить, что в данном исследовании отражается существующая неопределенность в датировке МЕ, ср.:

Лишь в отдельных исследованиях принята более ранняя датировка МЕ. К ним относятся тома «Исторической грамматики древнерусского языка» (под ред. В. Б. Крысько), где МЕ датируется концом XII в. Данные МЕ используются в I, III и IV тт. грамматики [Иорданиди, Крысько 2000; Кузнецов и др. 2006; Жолобов 2006].

Таким образом, в отношении МЕ в науке сложилась ситуация, когда материал рукописи XII в. из-за отсутствия обобщающей работы по ее языку используется только в виде отдельных примеров и в основном ошибочно — для иллюстрации языковых процессов XIII в., а работы, рассматривающие МЕ как рукопись первой половины XII в., используют ее материал только для обоснования ее датировки. Языковые данные МЕ в контексте других памятников первой половины XII в. при описании древнерусского языка данного периода до сих пор не использовались.

### 1. Палеографическое описание МЕ

В написании МЕ принимало участие несколько писцов. При этом количество писцов, которое указывается в описаниях рукописи, неточно. Так, в «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг...» даются следующие сведения о почерках: «Два почерка: I — л. 1а — 44г, 64а — 71г, 77в — 160б; II — л. 45а — 63г, 72а — 77б» [Каталог 1984: 143].

Также говорится о наличии двух писцов в работах Л. В. Столяровой [1994, 2010], Е. Закшевского [1986] и Б. И. Осипова [1986, 2010]. При этом Е. Закшевский несколько иначе распределяет отрезки текста между двумя писцами: «Почерк А (основной текст) — лл. 1 — 44об, 64 — 71об, 77об — 160об. Почерк Б — лл. 45 — 64об, лл. 72 — 77 и 5 строчек на л. 121» [Закшевский 1986: 130].

Однако помимо двух основных почерков, отмеченных ранее (писцы А и Б), в тексте МЕ дважды — на лл. 93 и 95 — наблю-

---

Исследуемая рукопись (Музейное евангелие. — Г. М.) — памятник конца XII — начала XIII вв., и здесь мы наблюдаем интенсивность протекания рассматриваемого процесса: написания с пропуском глухого в типовых сочетаниях значительно преобладают, тогда как в более ранних памятниках (Милятино Евангелие, Ефремовская Кормчая) их меньше, чем этимологически верных [Зуга 2002: 170].

даются вкрапления третьего почерка (писец Г). Кроме того, в рукописи присутствуют небольшие части текста, переписанные двумя другими писцами (писцы В и Д), но не одновременные ее созданию. Писцы В и Д вписали заголовки чтений от Луки (л. 77об) и от Марка (л. 121). Таким образом, уточненное распределение почерков в МЕ выглядит так: писец А — л. 1а — 44г, л. 64а — 71г, л. 77в — 77г (до 14-ой строки), л. 77г (с 23-ей строки) — 93в (до 2-ой строки), л. 93в (с 14-ой строки) — 95б, л. 95г (с 14-ой строки) — л. 121а, л. 121б (с 6-ой строки) — л. 160б; писец Б — л. 45а — 63г, лл. 72а — 77б; писец В — л. 77г (строки 15–22); писец Г — л. 93в (строки 1–13), л. 95в — 95г (строки 1–13); писец Д — л. 121б (строки 1–5).

Почерки писцов, участвовавших в создании МЕ (писцы А, Б и В) по палеографическим параметрам характеризуются архаичностью и отсутствием инноваций, появляющихся к концу XII в. Показательной особенностью обоих основных почерков является последовательное написание буквы *w* с высокой серединой. Буква *ъ* представлена в варианте XII в.: в редких случаях коромысло буквы находится в строке, а мачта незначительно выступает из строки, но чаще вариант с коромыслом на верхней уровне строки, с мачтой, выходящей выше, не более чем на треть высоты строки. Начертаниям писцов МЕ также свойственно расположение посередине строки переключений букв *н*, *ю* и соединительного элемента букв *на*, *ню* и отсутствие разбухания нижних петель букв *к*, *в*, *ъ*, *ь*, *ѣ*. Лигатуры (кроме *ѡ*) писцами МЕ используются крайне редко. У писца А отмечено единичное использование графемы *ѡшюѡ* (150г 10), характерной в основном для древнерусских памятников XI в.

**Писец А** оперирует большим по сравнению с другими писцами набором графем, активно используя графические дублиеты — *н* — *и*, *о* — *ш*, *оу* — *8* — *ж*, *е* — *ю*, *на* — *а*, *ф* — *ѳ*. Дублиеты могли применяться не только писцами с хорошей книжной выучкой, но, как пишет В. М. Живов, при использовании таких пар графем в не книжной письменности «они в основном употребляются безразборно» [Живов 2006: 58]. Поэтому важно, что писец А использует графические дублиеты по определенным правилам, которые подробно описаны в разделе статьи, посвященном графико-орфографическим системам писцов МЕ.

Отличительной чертой писца А можно также назвать употребление буквы *у*. В первом почерке она используется только в заимствованных словах после согласного, например: *күмннз, мүро, сүрнн, архнсүнагогъ, түрз*. Дважды буква *у* встретилась у первого писца не в заимствовании, но для обозначения гласного [u] после мягкого согласного. Оба примера приходятся на одну и ту же словоформу: *н| на| всү снлоу вражн|ю* (109а 7)<sup>6</sup> и *прнзъваша на н| късү спнроу* (140а 10). Возможно, формы перенесены из антиграфа.

Почерк писца Б, кроме меньшего количества использованных графем, отличается заметной небрежностью написаний (небольшой наклон вправо, неровные линии букв, колебания в размерах букв) с большим количеством исправлений. В отдельных случаях при пропусках букв пропущенное вписано над строкой почерком без наклона, т. е., по всей видимости, первым писцом. На основании палеографического сопоставления почерков писцов А и Б можно предполагать, что писец Б был менее опытным и выполнял работу под руководством писца А.

Почерк писца Б содержит характерную, заслуживающую внимания черту — ограничительные штрихи в верхней части строки, специфичность которых была отмечена И. Э. Еселевич:

⟨...⟩ в этом памятнике (МЕ. — Г. М.) наше внимание привлекла не столько запись (на л. 160. — Г. М.), сколько чрезвычайно интересная особенность начертаний в тексте второго почерка, который вполне может быть охарактеризован как беглый устав: просмотр текста позволил установить наличие на многих листах в связи между соседними буквами, имеющими общую деталь — верхнее покрытие<sup>7</sup> [Еселевич 1964: 246].

---

<sup>6</sup> Знак | здесь и далее используется для обозначения конца строки, знак || — для обозначения конца страницы.

<sup>7</sup> Следует отметить, что сходная особенность наблюдается и в первом почерке МЕ. Как отмечает Б. И. Осипов, в МЕ<sub>1</sub> «у всех букв, имеющих наверху горизонтальную черту, она разгонистая, ярко выраженная, далеко выступающая за край буквы. Есть она и у букв, обычно ее не имеющих: *е, ю, о, с*» [Осипов 1986: 147]. Однако, по нашим наблюдениям, у писца А эта особенность проявляется гораздо реже, чем у писца Б, что не позволяет сделать развернутых наблюдений на материале первого почерка.

При учете, по-видимому, небольшого опыта писания на пергамене второго писца можно предположить, что употребление верхних ограничительных штрихов как навык было усвоено писцом Б при письме путем процарапывания букв (на бересте, на воске) и по неопытности применялось им и при письме на пергамене. Это предположение подтверждается последовательным сопоставлением графем писца с данными палеографических таблиц, составленных по материалам берестяных грамот А. А. Зализняком [Янин, Зализняк 2000: 134–429].

По данным палеографических таблиц А. А. Зализняка, употребление нефункциональных графических элементов в берестяных грамот эволюционирует на протяжении XII в. В первой половине столетия нижние засечки на буквах при активном использовании соответствующих верхних элементов употребляются крайне редко (так же, как и у писца Б), в то время как во второй половине XII в. нижние засечки начинают использоваться в почерках берестяных грамот с той же частотностью, что и верхние. К комплексу нижних нефункциональных элементов по хронологии своего возникновения и развития в берестяных грамотах примыкают также такие палеографические признаки, как засечка на язычке у  $\epsilon$  и верхняя засечка у буквы  $\phi$ . Характерно, что оба этих элемента отсутствуют и в начертаниях писца Б. Верхние покрытия и в берестяных грамотах, и в почерке писца Б не употребляются в графеме  $\rho$ <sup>8</sup>.

Корреляция палеографических особенностей второго почерка МЕ с палеографией берестяных грамот поддерживается и в отдельных особенностях набора графем, употребляемых писцом Б и писцами берестяных грамот XII в. Крайне редкое использование в грамотах XI–XII вв. графемы  $\kappa$  соответствует ее отсутствию у писца Б (при активном использовании писцом А). Так же, как и писцы берестяных грамот, писец Б употребляет букву  $w$  (вне диграфа  $\tilde{w}$ ) исключительно в имени  $n\tilde{w}an\tilde{z}$ .

К группе примет, сближающих письмо писца Б с палеографическими особенностями берестяных грамот первой половины XII в., примыкает и употребление писцом графем  $\phi$  и  $\varphi$ . В целом их употребление в берестяных грамотах отличается тем, что «в основной

---

<sup>8</sup> Сопоставление этой особенности второго почерка МЕ и данных берестяных грамот см. подробнее [Мольков 2014а].

массе берестяных грамот в выборе между **ф** и **ѳ** связи с этимологией не усматривается; просто в одни периоды предпочитается **ф**, в другие — **ѳ**» [Зализняк 2004: 33]. Писец Б действительно употребляет эти графемы без связи с этимологией. Но распределение двух графем у него несколько неожиданно: в первом переписанном отрывке (лл. 45 — 63 об) писец использует исключительно **ѳ**, а во втором (лл. 72 — 77) — только **ф**. Из этого можно заключить, что писец Б в принципе знал обе буквы и при этом не отдавал предпочтения ни одной из них<sup>9</sup>.

Таким образом, сопоставление данных палеографии писца МЕ и берестяных грамот дает дополнительный косвенный аргумент в пользу создания МЕ в первой половине XII в. Почерк с описанными особенностями использования неконструктивных штрихов возможен и в позднейших берестяных грамотах, но существование его до середины XII в. более вероятно.

Особенность расположения на л. 93 текста **писца Г** показывает, что, как и писец Б, он писал под руководством писца А. В рукописи вверху листа виден выполненный почерком писца Г полустертый текст, который написан в один столбец (вместо двух). Видимо, новый писец, приступив к работе, не учел, что нужно писать в два столбца. Текст был затерт, при этом в левом столбце поверх стертого писец А своей рукой написал для примера две строки.

Писец Г использовал более светлые чернила, чем писец А. Буквы стремятся к квадрату, написаны более разреженно, чем у

---

<sup>9</sup> Резкая смена одной буквы на другую, возможно, связана с рекомендациями руководившего работой писца А. В первом переписанном отрезке (л. 45 — 63 об.) написания писца Б расходились с этимологией в большинстве случаев, так как чаще всего с фонемой /f/ попадает слово **фарнсен**. Выбрав для удобства из двух знакомых ему букв наугад одну (**ѳ**), писец «не угадал». Фита подходила только в заголовках, так как писец Б переписывал чтения из Евангелия от Матфея. В этой ситуации старший писец мог потребовать выучить наизусть слова с фонемой /f/ в правильной орфографии, но вышел из ситуации проще. Во втором отрывке писца Б (л. 72–77) все заголовки написаны писцом А. Видимо, он попросил ученика везде в тексте писать **ф** (в этом отрывке с /f/ несколько раз встретилось слово **фарнсен** и единожды — **сүрофү|ннцьска 75г**), а в заголовках сам написал в имени евангелиста этимологическую **ѳ**.

писца А, особенно в первом отрывке (в строку вмещается примерно на 2 буквы меньше).

Рассмотрение палеографических особенностей писцов В и Д показывает, что они участвовали в восполнении недостающих заголовков чтений в МЕ неодновременно. Первый имеет типичные особенности того же периода, что и два основных почерка — XII в., в то время как второй демонстрирует основные особенности следующего периода — XIII в. Для писца В можно отметить сходство с письмом писца Г — буквы вписываются в квадрат; в то же время отличие его от трех основных почерков МЕ состоит в том, что вертикальные линии букв заметно толще горизонтальных.

Почерку писца Д свойственны: середина *w* низкая, верх закрытый; верхняя часть буквы *ж* меньше, чем нижняя; перекладина в *n* отходит от верха левой мачты и идет почти до середины правой; перекладина *n* также завышена; нижние петли букв *к*, *л*, *ь*, *ъ* угловатой формы и поднимаются до середины строки и выше (особенно у *л*). По всем основным признакам палеография письма писца Д оказывается противопоставленной палеографии всех остальных писцов МЕ.

## 2. Графико-орфографические особенности почерков МЕ

Рассмотрение графико-орфографических систем, представленных в МЕ, целесообразно производить на фоне предварительных сведений об описках писцов. В ряде случаев эта информация позволяет более объективно оценивать отдельные написания МЕ, вызывающие сложности в интерпретации.

Для группировки типов описок МЕ мы воспользуемся их разграничением на 3 основных класса, сформулированным в статье О. В. Малковой [1979]: описки, связанные с пропуском, со вставкой или с заменой определенной части текста.

Из примерно 460 описок, отмеченных в тексте МЕ, большая часть (почти половина — 210 примеров) закономерно относится к текстовым пропускам. Но в отношении объема пропущенного текста на фоне обследованного О. В. Малковой Галицкого евангелия 1266–1301 гг. отмечается необычная частотность пропусков больших отрезков текста (длиной больше одного слова). В МЕ выявлено 56 контекстов с пропуском синтагм разного объема, из которых только 2 (!) были исправлены писцами (вписаны на полях); для сравнения —

8 из 11 пропусков были исправлены в Галицком евангелии [Малкова 1979: 115].

Говорить о сознательной редактуре текста в данном случае нельзя. Рассмотрение примеров показывает, что в большинстве случаев — для 41 примера из 56 — очевиден механический характер пропусков. Во многих примерах текстовая лакуна заканчивается словоформой, иногда — грамматически идентичной, иногда — просто сходной в написании (ср. *мѣрь* и *оумреть*), с конечной словоформой текста, предшествующего лакуне. В 4 примерах лакуна начинается со словоформы, тождественной или сходной с начальной словоформой последующего текста.

Пропуски текста свойственны преимущественно писцу А (52 примера из 56). В МЕ<sub>2</sub> частотность этого вида описки (4 примера, один из которых исправлен) приближается к употреблению Галицкого евангелия и не является повышенной. Это соотношение свидетельствует о меньшей внимательности писца А при переписывании. Можно предположить, что МЕ создавалось в достаточно сжатые сроки: скорость переписывания была непривычной даже для опытного писца А, допустившего столько лакун. Это в свою очередь может объяснить позднюю датировку МЕ, предложенную И. И. Срезневским: при общем просмотре памятника устав Домки, писавшего в некоторой спешке, вполне мог произвести впечатление почерка начала XIII в.

Это наблюдение подтверждается и большим по сравнению с Галицким евангелием процентом неисправленных пропусков одной или нескольких букв и целых слов в МЕ — соответственно 41 из 77 и 65 из 77, в то время как из приводимых О. В. Малковой примеров только в 3 контекстах пропущенное слово не было замечено и восполнено писцом [Малкова 1979: 114]. При этом пропуск букв и слов свойствен писцам А и Б примерно в равной степени.

В некоторых случаях словоформа, получившаяся в результате пропуска, возможно, переосмыслялась писцом и поэтому не привлекала к себе внимания (напр., *онн же оумъльча*<ша> 119г, аор., 3 л., ед.). Однако в контексте подобная форма оказывается рассогласованной с другими членами предложения. В одном случае переосмысление формы представлено более наглядно, так как под влиянием вновь получившейся формы «ед. ч.» писец изменяет и следующее за ней существительное: *не боудн<те> ꙗко лнцѣмърѣ*

сѣтѹющѣ 146б<sup>10</sup>. И только следующая форма причастия, оставленная во мн. ч., показывает, что имела место описка.

Написания в тексте МЕ лишние буквы отмечены в 43 примерах. Многие из этих вставок связаны с повтором отрезка текста (17 из 43). В этом типе описок заметно выделяется писец Б — 13 примеров из 43 приходится на его текст. Но, кроме того, отличительной чертой письма МЕ<sub>2</sub> является большое количество затертых мест. Разной длины затирания отмечены в 67 местах. Если все их отнести к исправлениям вставок, то у писца Б исправленными оказывается более 80% всех ошибочных написаний. Таким образом, писец Б допускает описки-вставки чаще, но в большинстве случаев их исправляет, в то время как писец А редко сам исправляет относительно немногочисленные описки того же вида (стирание текста отмечено в 9 местах).

Специфическими для писца А являются характерные вставки синтагм (6 раз). Они связаны со смешением текстуально близких чтений из разных евангелистов (все примеры — в Евангелии от Матфея): мнрѣ вамѣ · (азъ ѣсмь | не контеса) 1б (Лк 24: 36 < Мф 14: 27), брѣмена (тажка н) неоудобъ носима 100а (Лк 11: 46 < Мф 23: 4), добро творите (ненавндащнмъ васъ) 82б (Лк 6: 35 < Мф 5: 44), зъзыні рабе (лѣннвын) 112в (Лк 19: 22 < Мф 25: 26), нн тьла тьлнть · (нн урьвынѣ ѣддть) 113а (Лк 12: 33 < Мф 6: 19–20), ннн нлню · (а дроузнн же нѣремню) 149а (Мк 8: 28 < Мф 16: 14). Можно предположить, что эти специфические вставки имеют ту же причину, что и частый пропуск синтагм писцом А — некоторую спешку при написании рукописи.

Ошибочные написания, связанные с заменой букв, отмечены в 129 примерах: 113 из них принадлежат писцу А, 16 — писцу Б. Только четверть неправильных написаний замечена и исправлена самими писцами (это вдвое меньше, чем в обследованном О. В. Малковой Галицком евангелии).

Примеры замен, связанные с антиципацией/постпозицией в совокупности составляют половину всех описок-замен, что заставляет критически относиться к нестандартным написаниям в МЕ, появление которых можно отнести к результатам описки. Особое вни-

<sup>10</sup> Ср. в Мстиславовом евангелии: не б8|дѣте яко лицемѣрн оу|нзылн 123а — μη γινεσθε ὡς οἱ ὑλοκριταὶ σκυθροτοὶ (Мф 6: 16).

мание в этом отношении обращает на себя пример: .. **чюдєсѧ** | **ѧко** .. 54в. Форма **чюдєсѧ** приводится А. И. Соболевским [Соболевский 1907: 177] как пример необычной флексии слова **чудо** склонения на *\*-es-/-os*. Однако при наличии в следующем слоге буквы **ѧ** этот случай можно с уверенностью считать опиской, особенно на фоне таких написаний, как **чнстє** **їєстє** 4а, **цѣсарствнє** 10г, **въ вьсю** 14б, **въ карабль** 28в, **оуѣше** 36б, **їєхн|длннна** 38г–39а, **герє** 51в, 52г, **нєбѣнє** 56г, **въ мрѣмѧ** 59б, **тнзл сз** 79а, **въ єзоро** 89г, **онн ... на нєже** 104а (ВП мн.) и др.

Переходя к анализу индивидуальных графико-орфографических систем в МЕ, мы начнем с описания правил **распределения омонимичных графем** у каждого из писцов.

Правила, по которым у **писца А** распределяются омонимичные графемы, можно разделить на 3 группы. В 1-й группе употребление той или иной буквы зависит от позиции начала слога (это пары **є – ѧ** – **ѧ**). Во 2-й группе — от того, находится ли буква на конце строки, сюда относятся графемы **оу – ѳ – ж**, **н – і**, **о – ш**. Отдельно (3-я группа) стоит пара графем **Ѡ – ѡ** (сюда же можно отнести редко встречающееся в тексте использование буквы **ѡ**, передававшей то же звучание, что и сочетание **кс**), употребление которых зависит от того, в каких лексемах они употребляются. Последовательность соблюдения данных правил в трех группах разная. Даже для каждой пары (тройки) омографов правила их дистрибуции соблюдаются писцом А с разной степенью последовательности.

У писца А наблюдается формирование древнерусской системы дифференцированного написания графем **є – ѧ**, **ѧ – ѧ**, хотя и не на завершающей стадии. Писец А не употребляет (за единичными исключениями) йотированные буквы после согласных, но при этом он не до конца рукописи строго выдерживает их написание в начале слога. По сравнению с первыми 10 листами МЕ употребление в соответствующей позиции на последних 10 листах (151а — 160б) буквы **є** снижается с 77% до 27%, а буквы **ѧ** — с 90% до 48%. Древнерусское распределение в паре **ѧ – ѧ** в целом выдерживается последовательнее.

При этом МЕ даже при максимально последовательном новом употреблении этих пар графем (в начале текста) все же содержит явные элементы южнославянской системы. Для всего текста рукописи неизменно характерно употребление буквы **є** в начале слога в

словах  $\widehat{\text{н}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{ъ}}$ ,  $(\text{арх})\widehat{\text{і}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{н}}$ ,  $\widehat{\text{є}}\widehat{\text{ѿ}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{є}}$  и в других грецизмах, а также в частице  $\widehat{\text{є}}\widehat{\text{н}}$ . Эти следы древней южнославянской орфографической системы говорят о незавершенности формирования древнерусской системы написания йотированных букв в системе писца А. На момент создания МЕ южнославянские написания пар  $\widehat{\text{н}} - \widehat{\text{є}}$ ,  $\widehat{\text{л}} - \widehat{\text{ѡ}}$  еще могут своим авторитетом вносить отклонения в формирующуюся древнерусскую систему их распределения.

Не наблюдается попыток применить йотированные буквы для обозначения качества предшествующего согласного. Изредка пишется после согласных только буква  $\widehat{\text{н}}$ :  $\text{к}\widehat{\text{ъ}}\ \widehat{\text{н}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{ѿ}}$  24а, 69в,  $\text{о}\widehat{\text{ѿ}}\ \widehat{\text{с}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{ы}}\widehat{\text{ш}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{т}}\widehat{\text{ѣ}}$  27в,  $\widehat{\text{н}}\widehat{\text{ѣ}}\widehat{\text{н}}$  44а,  $\text{м}\widehat{\text{а}}|\widehat{\text{л}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{к}}\widehat{\text{ъ}}$  79в,  $\text{к}\widehat{\text{ъ}}\ \widehat{\text{з}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{є}}|\widehat{\text{ш}}\widehat{\text{н}}$  112в,  $\text{п}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{ж}}\widehat{\text{н}}$  126а,  $\text{к}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{ю}}\widehat{\text{д}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{т}}\widehat{\text{ѣ}}$  130г,  $\widehat{\text{н}}\widehat{\text{є}}\ \widehat{\text{м}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{г}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{ѿ}}\widehat{\text{ц}}\widehat{\text{н}}\widehat{\text{є}}$  147г. В последнем примере отчетливо видно, что буква  $\widehat{\text{н}}$  получена путем исправления из  $\widehat{\text{н}}$ , и не исключено, что и в других примерах (кроме  $\text{к}\widehat{\text{ъ}}\ \widehat{\text{н}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{ѿ}}$ )  $\widehat{\text{н}}$  возникло по той же причине, поскольку в предыдущем или последующем слоге словоформы имеется гласный  $\widehat{\text{н}}$  (в  $\text{п}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{ж}}\widehat{\text{н}}$  писец мог по ошибке начать писать приставку  $\text{п}\widehat{\text{р}}\widehat{\text{н}}$ ). Написание  $\text{к}\widehat{\text{ъ}}\ \widehat{\text{н}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{о}}\widehat{\text{ѿ}}$  (возможно, и  $\text{к}\widehat{\text{ъ}}\ \widehat{\text{з}}\widehat{\text{є}}\widehat{\text{м}}\widehat{\text{л}}\widehat{\text{є}}|\widehat{\text{ш}}\widehat{\text{н}}$ ), могло быть скопировано из антиграфа, в котором с помощью  $\widehat{\text{н}}$  маркировались предшествующие палатальные сонанты.

В употреблении графических дублетов  $\text{о}\widehat{\text{ѿ}} - \widehat{\text{ж}}$ ,  $\widehat{\text{н}} - \widehat{\text{ї}}$ ,  $\text{о} - \text{ш}$  писцом А важна позиция конца строки. В первую очередь этот фактор регулирует распределение  $\text{о}\widehat{\text{ѿ}} - \widehat{\text{ж}}$ , хотя и в этом случае наряду с базовым писец использует дополнительные орфографические правила употребления маркированного дублета  $\widehat{\text{ж}}$ . Так, исключительно через  $\widehat{\text{ж}}$  в любой графической позиции пишутся в первом почерке МЕ формы слова  $\text{с}\widehat{\text{ж}}\text{ѡ}\text{т}\widehat{\text{а}}$  (трижды — в тексте чтений, остальные — в заголовках). Один раз в заголовке встретилось написание через  $\widehat{\text{ж}}$  имени апостола ( $\widehat{\text{Ѱ}}\ \widehat{\text{л}}\widehat{\text{ж}}|\widehat{\text{к}}\widehat{\text{ы}}$  80б), обусловленное, скорее всего, нехваткой места в строке: слог  $\widehat{\text{к}}\widehat{\text{ы}}$  дописан на добавочной строчке.

В основном тексте  $\widehat{\text{ж}}$  употребляется писцом А 241 раз. Из них только в 19 случаях буква пишется не на конце строки, остальные 222 позволяют говорить об определяющем характере позиции конца строки в функционировании дублетов  $\text{о}\widehat{\text{ѿ}} - \widehat{\text{ж}}$ . Более подробное рассмотрение употреблений  $\widehat{\text{ж}}$  в конце строки показывает, что, используя данную букву, писец А пользовался морфологической информацией. Она применяется с разной частотностью в зависимости

от типа морфемы. Распределение по типам морфем представлено в Таблице 1:

Таблица 1. Распределение ж на конце строки по морфемам

Тип морфемы	Количество употреблений	%
корень	70	32%
суффикс	15	7%
приставка	3	1%
окончание	132	60%
всего	220 <sup>11</sup>	100%

Как более частотный аффикс окончания закономерно в большей степени способствуют формированию описываемого орфографического навыка (ср. [Дурново 2000 (1924–1926): 409–410, 2000 (1933): 666]). Заметно выделение с помощью ж форм ДП на -моу, приходящихся на конец строки (51% всех флексий с ж на конце строки). Этот факт находит параллели в других ранних древнерусских памятниках. Х. Лант отмечает подобное употребление в Мстиславовом евангелии:

This can be attributed to the scribe's convention that datives are symbolized by this letter (ж. — Г. М.), so то<sup>м</sup>ж, се<sup>м</sup>ж, ке<sup>м</sup>ж and the like are not uncommon, along with ко<sup>г</sup>ж, нсо<sup>у</sup>сж, др<sup>ж</sup>гъ къ дро<sup>у</sup>гж and many others [Lunt 1987: 140, сноска 22].

Такое предпочтение буквы ж для написания окончания ДП в особенности на конце строки имеет близкую параллель в почерке писца Минеи Дубровского, описанном И. Тотом:

По всей вероятности, писец МД охотно писал букву ж при переносе независимо от этимологии соответствующих слов (ж пишется в этой категории и правильно, и неправильно) и формы дат. п. ед. ч. существительных и членных прилагательных [Тот 1985: 97].

Отметим также, что именно к окончаниям ДП относятся 14 из 19 примеров написания ж (12 раз і̄ж и 2 раза с̄н̄ж) не на конце строки. Для корней, написанных с ж, правила не такие четкие, но все же можно предположить, что и здесь писец А пытался упорядочить написание. Значим, на наш взгляд, факт, что, например,

---

<sup>11</sup> Кроме того, 2 примера употребления ж в конце строки связаны с описками.

корень **ѡд-** встречается с **ж** 9 раз, корень **дрѡг-** — 8 раз, а такой частотный корень, как **ржк-** — ни разу, хотя несколько раз приходится на конец строки.

Упорядоченность написаний графемы **ж** в  $ME_1$ <sup>12</sup> особенно заметна на фоне употребления дублета 8. Он используется на конце строки 45 раз, что составляет 5% от всех появлений /u/ на конце строки в тексте писца А. В середине строки 8 применяется 13 раз в разных морфемах. И редкое использование, и незакрепленность 8 за той или иной группой написаний показывают второстепенную роль этой буквы в графико-орфографической системе писца А. Известно, что для периода второй половины XII в. — начала XIII в. характерно снижение функциональной нагрузки **ж** [Успенский 2002: 127; Живов 2006: 58] при сохранении прежней степени активности (в целом не высокой) его дублета 8 [Рябова 2004: 19]. Предпочтение писцом А именно буквы **ж** в описанных условиях имеет достаточно близкие параллели в новгородских минеях конца XI в. [Осипов 1986: 149], служебных минеях рубежа XI–XII вв. [Ягич 1886: XXXV–XXXVI; Гольщенко 1982: 24]. Все это свидетельствует о том, что орфографическая система писца А с гораздо большей степенью вероятности могла образоваться в таком виде в первой половине XII в., чем в более поздний период.

В парах дублетов **н – ѿ**, **о – ѡ** их маркированные члены (**ѿ**, **ѡ**) менее определено, чем **ж**, соотносятся с концом строки. Дублет **ѿ** без диакритики постоянно пишется в имени **ѿъ**; вариант с диакритикой используется писцом А 481 раз, из них 381 раз — в конце строки (79%). Вне основной для **ѿ** позиции конца строки наблюдаются попытки писца упорядочить употребление графемы. В 36 примерах буква находится рядом с **н**, в 6 случаях появляется в заимствованиях, несколько раз очевидно стремление писца сэкономить место в строке.

Графема **ѡ** используется писцом А несколько отлично от **ѿ**, 8. Всего она появляется 116 раз, и только 49 примеров употребления приходятся на конец строки. Таким образом, ориентация на конец строки сохраняется в определенной мере и при написании **ѡ**. Но для омеги более существенно, что она ни разу не пишется после буквы,

<sup>12</sup> Здесь и далее сокращение  $ME_1$  = первый почерк МЕ,  $ME_2$  = второй почерк МЕ и т. д.

передающей согласный, хотя и /o/ после гласного она обозначает непоследовательно (от 4% возможных позиций на первых 20 листах до 10,5% на последних 20 листах ME). Заметно разное поведение *w* в корнях и аффиксах. Из написанных через *w* аффиксов на конец строки приходится больше половины (37 из 60), а корней — только около четверти (15 из 56). Отсутствие единой стратегии использования графемы *w* характерно в целом для ее использования в древнерусских памятниках XI–XII вв. [Зайнутдинова 2004: 13]. Писец А, по-видимому, стремится несколько упорядочить ее написания, прибегая к дополнительным критериям.

Употребление буквенных дублетов у писца Б менее развернуто и при их использовании выглядит непоследовательно копируемым употреблением писца А, что уже отмечалось ранее [Осипов 1986: 149]. Эта особенность — еще одно свидетельство в пользу предположения о руководящем статусе писца А в работе над ME.

При отсутствии в ME<sub>2</sub> графемы *ia* буква *ie* используется всего 2 раза: *кѣ ие|моу* 52б и *словесіе|* (РП) 76а. Первая форма повторяет встречающуюся у писца А, а для второй можно предполагать ту же, что и для написаний *ie* после согласных в ME<sub>1</sub>, графическую причину возникновения — исправление флексии РП *n* на более архаичную *e*. *i*-десятеричное применяется писцом Б без кендемы в имени *іѣ*, а с кендемой появляется, как и в системе писца А, на концах строк, но только на первых 4 листах его текста. В дальнейшем писец перестает пользоваться этим, по-видимому, не свойственным ему орфографическим приемом. Букву *ж* писец Б не использует, но буква *ѳ* у него функционирует по тем же правилам, что и *ж* — у писца А. Характерно, что и отклонения — написание этого знака не на конце строки — лексически совпадают с отклонениями писца А. Из 11 таких исключений 4 — это написания *ѣѳ* в заставках и 3 примера — форма *кѣ іѳ* / *кѣ ніѳ*. Разница же состоит в том, что *ѳ* в ME<sub>2</sub> объединяет функции *ѳ* (ижицы) и *ж* в ME<sub>1</sub>, т. е. имеет больше функций: ME<sub>2</sub> относится к тому кругу почерков, которые употребляют *ѳ* как немаркированный знак [Голышенко 1982: 27]. При этом полное отсутствие буквы на л. 59г–63г можно связывать с вмешательством писца А, не употребляющего немаркированную *ѳ*.

Качественное отличие у писца Б наблюдается в использовании *w*. Основная часть всех употреблений *w* приходится на имя *нѡанѣ*

(8 примеров из 20; для сравнения — у писца А это имя пишется через *w* 9 раз в гораздо большем по объему тексте). Сам выбор данной лексемы, видимо, обусловлен ее принадлежностью к группе заимствований. В этом смысле орфографическая система писца Б сохраняет архаичную норму употребления: *w* преимущественно представлено в заимствованных именах собственных в Остромировом евангелии [Козловский 1885–1895: 14–15], в Архангельском евангелии [Соколова 1930: 85], хотя даже в этих памятниках не отмечается 100% лексикализации какого-либо написания. Более показателен факт, что имя *нѡланъ* — единственная лексема, в которой фиксируется буква *w* в ранне-древнерусский период в двух берестяных грамотах церковного характера [Зализняк 2004: 32]. Возможно, последовательное написание слова *нѡланъ* с *w*, наряду с активностью нефункциональных штрихов (см. [Мольков 2014а]), является еще одной деталью, показывающей формирование орфографии писца Б именно в рамках бытового письма.

При написании *а/ѧ, оу/ю* после шипящих и *ц* писцы А и Б используют разную орфографическую стратегию. За единичными исключениями писец А противопоставляет написания перед /а/ и /у/. Перед /а/ он придерживается традиционных написаний (*ша, ца, жа, ѡа, ца*), только в 9 случаях допуская отклонения. При этом отклонения после *ш* и *ж* происходят в слогах с этимологическим носовым: *кѣ збоуднша* 15в 5, *жа т|вѣ* 93г 3–4 (ДП), *на жа твѣ|* 93г 5. Перед /у/ писец А предпочитает написания нового типа (*шю, цю, жү, ѡю, цю*); отмечено только 8 написаний с *оу*. У писца Б система написаний опирается на согласный слога. В его орфографической системе с единичными отклонениями наблюдается противопоставление написаний: *ша/шоу, ца/цоу, жа/жоу*, но *ѡѧ/ѡю, цѧ/цю*. Возможно, противопоставление на письме *ш, ц, ж/ѡ, ц* связано с тем, что писец Б — носитель цокающего диалекта.

Группа написаний рефлекса *\*dj* оформляется обоими основными писцами МЕ одинаково. Южнославянский и древнерусский рефлекс на письме соотносятся как 10% и 90 % (19/170 раз — у писца А и 2/18 раз — у писца Б). Совпадение в процентах написаний с *жд* дополняется тем, что данные написания у обоих писцов не лексикализованы: для большинства написаний через *жд* в рукописи можно найти такую же словоформу (или однокоренную), написанную уже через *ж*. Ср. в МЕ<sub>1</sub>: *жа ждѣ|тъ* 8а (но *жа жүцнн*

10в), *внждь* 8г, 152б (но *внжь* 20а и др.), *прѣжде* 14в (но *прѣже* 21а и мн. др.), *одеждн* 20в (но *одежн* 20г), *даждь* 103г, 150в (но *дажь* 51а и др.), *сѣзажда* 69б, *чюждаа|хоуца* 71г (но *чюжаашеса* 70а), *ѣждь* 102в, 105б (но *сѣнѣжь* 127б), *сѣгражду* 105б, *граждаа|хоу* 110б (но *сѣгражу* 102в), *продаждь* 111в (но *раздажь* 111в), *граждане* 112а, *ноу|жду* 113в (но *ноужа* 43б), *внжду* 121в (но *внжую* 129г и др.), *въ тж|ждемъ* 123а, *осоуденне* 158г (но *соужю* 1б, *осоуже|нъ* 5а); в МЕ<sub>2</sub>: *да|ждь* 46в (но *дажь* 51а, 56в; *продажь* 56в; *повѣ|жь* 59в), *кождн* 51г (но *кожн* 52в).

Для форм, написанных с диграфом у писца А, можно отметить особенность: вариант *жд* выбирается, если в той же словоформе есть другие маркированные южнославянские элементы. Так, в корне *гражд-* сохраняется неполногласие; в корне *чюж-* при написании его с *жд* в 1 из 2 примеров используется также южнославянский рефлекс первого согласного — *тжжд-*; при сравнении примеров *ѣждь* и *сѣнѣжь* виден тот же выбор в пользу южнославянского написания гласного в форме с *жд*. В словоформе *осоуденне* выбор диграфа мог быть спровоцирован южнославянским суффиксом.

**Лексемы с рефлексом \*zg** перед \*j и гласными переднего ряда встретились только в первом почерке. Писец А последовательно оформляет их через *жд* и только 1 раз допускает диалектизм: *оѣзжн* 110б.

При оформлении **рефлексов \*tert, \*telt** в двух почерках МЕ совпадает общая тенденция: преобладающее большинство корней последовательно пишутся с *ѣ*. У писца А из 25 зафиксированных в тексте основ 15 ни разу не встречаются в написании с *рѣ/лѣ* (*врѣм-* (42 раза), *трѣб-* (24), *жрѣбьц-* (12), *мрѣж-* (9), *брѣм-* (5), по 3 раза *брѣг-*, *чрѣв-* и *плѣн-*, по 2 раза *небрѣг-*, *крѣд-*, по 1 разу *чрѣд-*, *стрѣг-*, *чрѣсл-*, *жрѣб-*, *крѣтнш-* и *тлѣш-*). В эту же группу можно отнести 5 основ (*прѣдъ* (76 раз), *прѣже* (42), *дрѣв-* (21), *влѣк-* (13) и *плѣвел-* (7)), в которых всего по 1 разу писец А употребил *рѣ/лѣ*. У писца Б исключительно с *ѣ* представлены следующие корни: по 3 раза *трѣб-* и *мрѣж-*, 2 раза *чрѣв-*, по 1 разу *срѣд-*, *небрѣг-*, с 2 исключениями — частотный корень *врѣм-* (28 раз).

Совпадает у писцов также и общее стремление к лексикализации редких написаний отдельных слов через *ѣ*. Так, писец А, если он в одном и том же корне использует оба написания, закреп-

ляет их за разными аффиксальными вариантами (срѣд-/посерѣдъ<sup>13</sup>, въврѣщ-/поврѣщ-, облѣщ-/прѣвлѣщ-). Видимо, та же тенденция распространяется еще на один корень, этимологически не имевший структуры \**tert*, с разными суффиксами — дрѣвън-/дрѣвл-. Наречие дрѣвлѣ встретилось 1 раз и написано через *ѣ* на фоне 4 неэтимологических написаний через *ѣ* прилагательного дрѣвъннн.

У писца Б подобная закрепленность наблюдается в области приставок: *ѣ* последовательно используется при написании приставки прѣ-, предлога/приставки предъ и в наречии/предлоге прѣже. Последние две категории не знают исключений, а приставка прѣ- дважды встретилась с *ѣ*, но оба примера относятся к одной и той же словоформе: прѣдѣлы 75в, 75г. С этой группой написаний, по всей видимости, связана орфографическая аномалия второго почерка МЕ — безразличное оформление приставки прн- с помощью вариантов прн- и прѣ- (из 112 встретившихся примеров приставки прн- в 53 случаях (47%) писец Б пишет ее в виде прѣ-). Аномальность подобного употребления писца МЕ выделяется даже на фоне других рукописей XI–XII вв., в которых наблюдается смешение приставок прѣ-/прн-. Писец Б смешивает не приставки прѣ-/прн-, а только буквы н/ѣ при написании приставки прн-. Подробнее эта аномалия описана нами в отдельной статье [Мольков 2014d]. В связи с этой особенностью орфографической системы написание приставки требует от писца Б особого внимания, и вариант рѣ- закрепляется за группой с начальным прѣ-, а основной вариант рѣ- — за корнями с рефлексом \**tert*, не требующими дополнительного внимания от писца.

Важно подчеркнуть, что в МЕ не наблюдается разницы в адаптации южнославянских написаний с рѣ и лѣ. Это можно рассматривать как архаичную черту письма МЕ при учете дальнейшей истории орфографии этих сочетаний: уже в памятниках XII в. *ѣ* после р начинает активно заменяться на *ѣ* во всех морфемах [Живов 2006 (1999)].

Помимо рефлексов \**tert*/\**telt* замена *ѣ* > *ѣ* в МЕ наблюдается также в формах Д–МП тѣѣѣ, сѣѣѣ. У писца А личное местоимение

<sup>13</sup> В данной форме наблюдается также единичное написание посерѣдъ 91б, которое В. В. Колесов рассматривает в ряду других примеров ранних древнерусских рукописей с «передачей <о, е> только на месте одного из корневых гласных» [Колесов 2009: 59], предполагая фонетическую обусловленность подобного написания.

второго лица пишется как **тѣѣ** в 22 примерах, но вдвое чаще — 41 раз — оно пишется **тѣѣ**; возвратное местоимение в виде **сеѣѣ** употребляется 37 раз, а в виде **сеѣѣ** только 14, т. е. примерно в 2,5 раза реже. Дважды встречается и обратная замена  $\epsilon > \text{ѣ}$  в форме РП ед. **сеѣѣ** в одинаковом контексте. У писца Б соотношение написаний для обоих местоимений однородно, в отличие от употребления писца А. В Д–МП форма **тѣѣѣ** пишется с  $\epsilon$  3 раза и только 1 раз с **ѣ**. Форма **сеѣѣѣ** встречается 4 раза с  $\epsilon$  и так же 1 раз с **ѣ**. Подобные замены встречаются уже в древнейших древнерусских рукописях (ср., напр., [Обнорский 1924: 212–213; Дурново 2000 (1924–1926): 470, 473; Тот 1985: 301; Кривко 2004: 175]).

Проблема обозначения **рефлексов корней структуры \*tʁt** в МЕ в целом рассматривается в работе Закшевский 1986. Однако это описание нельзя считать достаточным, поскольку приведенные исследователем цифры не дают представления о частотности написания того или иного корня у конкретного писца, и приводится только общее количество написаний с **ѣр**, **ѣрѣ**, **рѣ** и т. п. с отдельными примерами и без разделения по писцам [Закшевский 1986: 134–135]. Между тем при отсутствии резкого контраста между почерками в оформлении рефлексов сочетаний типа **\*tʁt** у каждого писца имеются характерные особенности данных написаний.

Приведем общие данные по соотношению разных способов оформления сочетаний редуцированного и плавного у двух основных писцов МЕ в виде Таблицы 2:

Таблица 2. Сопоставление способов оформления рефлексов сочетаний типа **\*tʁt** в МЕ<sub>1</sub> и МЕ<sub>2</sub>

способ обозначения	МЕ <sub>1</sub>		МЕ <sub>2</sub>	
	количество	%	количество	%
<b>ѣр/ѣр</b>	155	<b>47</b>	33	<b>63,5</b>
<b>ѣрѣ/ѣрѣ</b>	172	<b>52</b>	18	<b>34,5</b>
<b>рѣ/рѣ</b>	1	<b>0,5</b>	1	<b>2</b>
<b>ѣл/ѣл</b>	15	<b>19,5</b>	6	<b>35</b>
<b>ѣлѣ/ѣлѣ</b>	60	<b>78</b>	8	<b>47</b>
<b>лѣ/лѣ</b>	2	<b>2,5</b>	3	<b>18</b>
<b>ЪР</b>	170	<b>42</b>	39	<b>56,5</b>
<b>ЪРѣ</b>	232	<b>57</b>	26	<b>37,5</b>
<b>Рѣ</b>	3	<b>0,7</b>	4	<b>6</b>

Из памятников XI в. ближайший аналог общего распределения вариантов ЪР/ЪРЪ (употребительность обоих при некотором преобладании двуерового, 42/57%) можно наблюдать в Минее 1096 г. [Сидоров 1966: 32]. Из более поздних рукописей по данному параметру близким МЕ является Успенский сборник: Х. Вонтрубска [Вонтрубска 1977: 6] выделяет эти две рукописи в отдельную группу на фоне остальных, рассмотренных в ее диссертации.

Дифференцированное рассмотрение данных показывает, что при общих подсчетах сглаживается разница в оформлении рефлексов типа \**tbrt* писцами А и Б.

В действительности, норме Минеи 1096 г. и Успенского сборника есть соответствие только в МЕ<sub>1</sub>, где двуеровые написания преобладают. Более пристальное рассмотрение написаний писца А показывает, что употребление конкурирующих вариантов ЪР и ЪРЪ регулируется у него тенденцией к лексикализации написаний отдельных корней. Она, хотя и не носит всеохватного характера, хорошо просматривается. Из 38 основ у писца А только в ЪР-написании используются 12: *сѣмьрт-* (13 раз), *сквьрн-* (6), *твьрд-* (6), *сѣрд-* (5, чаще — титуловые написания), форма перфекта *-мьрл-* (3), *пѣрс-* (2), *сѣрп-* (2), *чѣрн-* (1), *кѣрл-* (1), *чѣрт-* (1), *вьртѣп-* (1) и *смьрд-* (1). Еще у двух корней (*чѣтвьрт-* и *мьртв-*) на фоне преимущественного ЪР полногласный вариант появляется только на конце строки. Это может быть дополнительным аргументом в пользу гипотезы В. М. Маркова о влиянии живых фонетических условий на написания конца строки [Марков 1983: 117; 2007: 197], поскольку во всех случаях мены редуцированного в ЪРЪ-сочетании сказывается влияние следующего слога, ср.: ѿ мьрѣ|твѣхѣ 7а, 36в, 154б, вѣ чѣтвьрѣ|тоѿ же врьма 71в, мьрѣтвѣн 105а, ѿ мь|рѣтвѣхѣ 117б, сквьрьбь|нѣ 120в, мьрѣ|твѣ 149г и мьрѣ|твѣн 152в; ср. также без мены — мьрь|твьѣа 105а.

Не встречаются с написанием ЪР 8 лексем с рефлексом \**tbrt*: *дѣрьж-* (13 раз), *чѣрьв-* (6), *бѣрьвн-* (5), *дѣрьз-* (5), *мьрьз-* (4), *чѣрьл-* (2), *цѣрькѣв-* (1) и *вьрьтоград-* (1); и 7 лексем с рефлексом \**tbrt*: *мѣлѣк-* (12), *дѣлѣг-* ‘долг’ (12), *дѣлѣг-* ‘длинный’ (6), *тѣлѣк-* (5), *вѣлѣк-/обѣлѣк-* (3), *мѣлѣк-* (1), *вѣлѣк-* ‘волк’ (1). К этой группе можно добавить лексемы, в которых ЪР-написания, на фоне более частотных типа ЪРЪ, встретились лишь по одному разу: *тѣрѣжнѣ-* (6:1), *вьрьх-* (6:1), *зѣрьн-* (4:1). Таким образом,

всего 34 из 49 лексем в орфографической передаче писца А устойчивы в написании.

Оставшиеся основы распределяются в оформлении ЪР/ЪРЪ следующим образом: **вьрг-** (20/54), **скъръ-** (12/4), **пърк-** (11/22), **пълн-** (11/15), **търг-** (7/3), **търн-** (6/3), **търп-** (4/7), **стълп-** (2/2), **жъртв-** (1/2), **вълн-** (1/2), **уъркен-** (1/1), **мърк-** (1/1), **търг-** (1/1, 'исторгнуть'), **жърн-** (1/1), и **мълн-** (1/1). На примере самого частотного из них — корня **-вьрг-** можно наблюдать частное орфографическое правило писца А: написание **-вьрг-** он использует как маркированное, обозначая преимущественно его модификацию **-вьрз-**, а написание **-вьръг-** остается немаркированным и применяется им в большинстве случаев (как и в целом двуеровые написания используются им чаще). Видимо, маркируется также ЪР-написанием книжная форма **нспълнь** — на нее приходится 6 из 11 подобных написаний этого корня (при 1 примере **нспълнь** 121а).

МЕ<sub>1</sub> содержит всего 3 примера с южнославянским написанием сочетания редуцированного с плавным: **бълъчѣна** 21в, **вълкъ** 93г и **нстръгнѣтъ** 119г, а также 1 пример — с пропущенным редуцированным: **сълртн** 41б.

Писец Б в противоположность писцу А использует написания типа ЪР чаще, чем двуеровые (39/26 раз), а также несколько активнее пользуется «болгарскими» написаниями (4 раза). Сравнительно небольшое количество примеров в МЕ<sub>2</sub> не дает возможности сделать определенные выводы о лексикализации написаний редуцированного с плавным. Из 19 отмеченных корней с рефлексами сочетаний \**ьрт/ьрт* в ЪР-написании встречаются лексемы **мъртв-** (3 раза), **четвьрт-**, **търн-**, **сърд-**, **вьрх-** (по 2 раза) и **сълмърт-**, **вьрш-**, **пърст-**, **жъртв-**, **гърст-** (по 1 разу). Только в ЪРЪ-написании встречаются по 1 разу **жърън-**, **зърън-**, **мърък-**, **мъръз-** (отметим, что написание **вължърънълвахъ** 72б — единственное разноеровое в МЕ<sub>2</sub>, здесь мена **ь > ъ** происходит перед слогом с гласным непереднего ряда).

Оставшиеся корни распределяются в оформлении ЪР/ЪРЪ следующим образом: **пърк-** (5/3), **вьрз-** (3/3), **сквърн-** (2/3), **търп-** (3/1), **търг-** (2/2, 'торжище'), **държ-** (2/2).

Единственное написание типа РЪ с плавным р, отмеченное еще В. М. Марковым [1983: 119] как «ненадежное», скорее всего, случайно получилось при исправлении: оскръннтн 75а 14<sup>14</sup>.

Данные по оформлению рефлексов сочетания \**trlt* показывают, что снижение процента двуеровых написаний по сравнению с МЕ<sub>1</sub> происходит, скорее всего, в связи с меньшей ориентацией писца Б на закрепленное написание отдельных корней. Существенным в этом плане оказывается сравнительно частое в данной группе написаний МЕ<sub>2</sub> использование «болгарских» вариантов (18%): из 5 встретившихся корней они применяются в 2, что еще больше расшатывает орфографию рефлексов редуцированных с плавными. Написания типа ЪР/ЪРЪ/РЪ распределяются следующим образом: пълн- (1/1/2), стълп- (0/1/0), мълн- (1/0/0), дълг- (3/6/0, 'долг'), мълк- (1/0/1).

Кроме представленных в Таблице 2, дважды (оба раза — у писца А) рефлекс типа \**trlt* пишется с гласным полного образования — оба раза в слове четвѣртовластьннкъ (78г, 89г). Единичный характер написания с прояснением в группе \**trlt* имеет параллели в других древнерусских памятниках, созданных ранее середины XII в. (ср. — [Обнорский 1912: 45; Шахматов 2002: 207; Марков 2007: 205–206; Гавриленко 1989: 70]). Примеры из МЕ ранее уже попадали в поле зрения исследователей. И. А. Фалев посчитал их непоказательными, поскольку «они могли явиться под влиянием *четверо*» [Фалев 1927: 121]. Фонетически обусловленными, но не связанными с падением редуцированных — наряду с другими подобными единичными примерами древнерусских памятников XI — первой половины XII в. — считал их В. М. Марков [Марков 1983: 118]<sup>15</sup>.

При оформлении **флексии ТП ед. муж. и сред. рода** у двух основных писцов МЕ наблюдается характерная разница в выработке орфографической стратегии. Писец А стремится использовать

<sup>14</sup> Пропуск *к* в данном случае может быть не механической опiskой, а результатом упрощения группы согласных. Аналогичный неисправленный пример — скрънзы — отмечен в Стихираре 1156–1163 гг. [Крысько 2007: 17]; хотя все же следует признать, что при единичности написания в МЕ<sub>1</sub> редуцированного после плавного в группе \**trlt* здесь нельзя исключать и обычную описку с пропуском слога *въ*.

<sup>15</sup> Сложности с фонетической интерпретацией написаний данных рефлексов для периода XI–XII вв. обсуждаются в работах [Васильев 1909; Голыщенко 1962; Сидоров 1966; Шевелева 1995; Попов 2006; Марков 2007].

все имевшиеся в период создания рукописи варианты написания данной флексии и упорядочить их, а писец Б пользуется упрощенной системой.

Писец А выстроил свою систему, отталкиваясь от морфологического фактора — типа склонения, к которому принадлежит лексема. Актуальными для него оказываются типы склонения *\*o/jo*, *\*es/en*, *\*i*<sup>16</sup> и разносклоняемые, т. е. фактически все древние типы склонения, которые имели ТП ед. на -ьмъ. За словами с древними основами на *\*o* писец А закрепляет варианты написания флексии -ьмъ/-ьмъ, на *\*jo* — ьмъ, на *\*es* — оьмъ/оьмъ (без наращенной основы) и -ѣмъ/-ѣмъ (с наращением), на *\*en*, *\*i* — вариант -ьмъ и за разносклоняемыми — вариант -ѣмъ<sup>17</sup>. Отметим, что при раннем начале перестройки древних типов склонения в древнерусском языке, ориентация писца А на данный параметр при написании флексии со сложной орфографией может служить свидетельством относительно раннего создания рукописи: в тот период, когда процесс смешения исконных типов склонения только начинался и их различение помогало писцу разграничивать дублетные написания окончаний ТП ед.

Писец Б пользуется только двумя вариантами окончания ТП ед. — ьмъ и -ьмъ (22 примера). Варианты -ьмъ (постъмъ 47б — Мф 17: 21) и -ьмъ (поутьмъ| 48в — Мф 21: 32) использованы по 1 разу в пределах первых 3 листов второго почерка и, по всей видимости, связаны с попыткой копировать систему написаний писца А [Мольков 2014с: 27]. Этимологически правильное написание флексий ТП ед. в МЕ<sub>2</sub> стало возможным, по всей видимости, благодаря тому, что писец Б отказался от попытки заимствовать в свою орфографическую систему книжные варианты написания той же флексии — оьмъ/оьмъ и -ѣмъ/-ѣмъ, представленные у первого писца (окончание -ѣмъ в МЕ<sub>2</sub> зафиксировано 5 раз только при оформлении существительных *\*jo*-склонения с основой на -j). Последовательное написание ь на конце флексии должно быть связано с ориентацией писца Б на какой-то устойчивый критерий. В данном случае им могло быть реальное произношение окончания, т. е. написания писца Б на фоне системы написаний писца А могут

---

<sup>16</sup> *\*и*-склонение представлено недостаточным количеством примеров.

<sup>17</sup> Подробно сложная система дистрибуции вариантов оформления этой флексии у писца А описана в специальной статье [Мольков 2014с].

служить свидетельством того, что конечный гласный флексии ТП ед. сохранялся в произношении (иначе наблюдались бы колебания в написании).

Малый объем текста, переписанный писцами В, Г и Д не позволяет дать подробное описание их графико-орфографических систем.

Писец В по ряду параметров совпадает с писцом Б: он не использует йотированные графемы (ср. *пoчннaетъ сa|* 77г, *кѣзкороуаа сa·|* 77г), применяет *ѷ* в сокращении не на конце строки: *ѣѷ* (77г), хотя при этом — *сѣѷта|* 77г. Однако ближе к писцу А, по-видимому, написание у писца В слогов с шипящими. В двух отмеченных примерах написания *ѷ* перед /а/ слог пишется как *ѷа*.

Для третьего почерка МЕ (писец Г) можно отметить специфичное по сравнению с двумя другими писцами употребление дублетной буквы *і*: все три раза буква приходится на середину строки, находясь в позиции графической диссимиляции (*і ндо|ша* 93в, *вѣроу|ні і сїѣна коудеть|* 95в, *|ні іваноу* 95в).

Насколько можно судить, не совпадает с наблюдаемой у других писцов система написания слогов с шипящими и *ѷ*: можно отметить выделенность единичного написания *жа* на фоне *ѷа* (3 раза), *ша* (2) и *ѷоу* (1).

Единственный раз зафиксированная лексема с фонемой /у/ в почерке писца Д оформляется не через диграф, а типичным начиная с XIII в. способом — с помощью монографа *ѷ*: *лѷка* 121б.

Отдельного рассмотрения в МЕ заслуживает написание **рефлексов цоканья**. Связь этого фонетического диалектизма с орфографическими системами новгородских писцов была подробным образом описана В. М. Живовым. Он показал, что квалифицированные писцы для упорядочения написаний *ѷ/ѷ* пользовались разработанной системой 3 правил (правила А, В и С — [Живов 2006 (1986): 105–106]). Менее грамотные переписчики могли пользоваться теми же правилами с ошибками или руководствоваться более простыми приемами.

Писцы МЕ имели разную квалификацию, что делает материал рукописи удобным для апробации гипотезы В. М. Живова при соотнесении роли трех базовых правил и других мнемотехнических приемов у более и менее опытного писца.

В МЕ из 3306 случаев написания графем *ѷ* и *ѷ* только 88 (2.66%) написаны не в соответствии с этимологией, т. е. *ѷ* и *ѷ* пишутся

более упорядоченно по сравнению с приводимыми В. М. Живовым данными для Миней ок. 1095 г. (6,26% — [Живов 2006 (1986): 98]). При этом между писцами А (1,77% неправильных написаний) и Б (8%) наблюдаются заметные различия в доле ошибочных написаний, обусловленные, видимо, разным уровнем их квалификации.

Данные по ошибочным написаниям писца А представлены в виде таблицы:

Таблица 3. Написания аффрикат у писца А<sup>18</sup>

	Г	Г'	П	Ш	Всего
Правильные	1700	96	501	469	2766
Неправильные	21	19	4	6	50
% неправильных	1.22	16.52	0.79	1.26	1.77

Опытный писец закономерно делает ошибки чаще всего в классе Г' — против сложного правила С. Отсутствие частых ошибок в написаниях класса Ш при этом тоже объяснимо для опытного писца, по мнению В. М. Живова: он должен был запомнить список лексем, содержащих рефлекс Ш палатализации. При этом он также представляет, в каких лексемах после *н*, *ь* («в условиях Ш палатализации») встречается *ч*. Всего 1 раз он допускает ошибку при написании вокатива слова *бѣчѣ*. Из группы написаний аффрикаты перед суффиксами, владение которыми — признак опытного писца [Живов 2006 (1986): 126], писец А регулярно пишет правильно прилагательное *жрьчьскъ* (114в, 119б, 133г, 136б, 138а, 138г (bis), 139а, 139г, 143а, 144в, 144г, 145а — 13 раз).

В написаниях класса Г' у писца А можно выделить 2 основные группы примеров, показывающие, какие факторы мешали писцу придерживаться орфографического правила. Во-первых, 10 из 19 примеров относятся к корню *-коньч-*: *съконьча* 19г–20а, 35а, 86в (аор.), *съконьчатнса* 27в, *коньчнна* 27в, 156б, *наконьчнне* 67в, *наставканне* 78в, 89г, *коньчавъшемъса* 79г, *съконьчавъ* 80б, *коньчаѣтъса* 103б. Очевидным образом, в данном случае действует фактор «стандартного написания отдельных слов»

<sup>18</sup> Г — рефлексы этимологического \**č* вне условий Ш палатализации (правило В); Г' — рефлексы этимологического \**č* в условиях Ш палатализации (правило С); П — рефлексы П палатализации (правило А); Ш — рефлексы Ш палатализации (правило С) [Живов 2006 (1986): 109].

[Живов 2006 (1986): 123]. Ошибочные написания появляются в связи с тем, что писец А за данным корнем как более частотное закрепил написание через *ц*. Действие побочного фактора приводит к почти безразличному смешению *ц/ч* в корне *-кoньц-* в рамках I'-класса, хотя правильные написания рефлекса I палатализации в этом корне все же несколько преобладают (л. 1г, 18г, 34б, 34г, 68б, 68в, 77г, 89г, 93б, 104в, 111г, 118в, 118г, 120б, 125а, 131в, 137г — 17 раз). Во-вторых, в 5 примерах ошибка происходит в последовательности *-ннц-*: *правьдъннцю* 35в (прил.), *наставьннцѣ* 78в, 89г, *ѡрьмьннца* 153а (прил.), *лоукнннцъмь* 160б. И в этом случае писец пользуется графическим клише *-ннц-*: эта последовательность букв встречается в тексте евангелия значительно чаще, чем *-ннч-*<sup>19</sup>. Таким образом, 15 из 19 ошибочных написаний в классе I' обусловлены действием единой тенденции<sup>20</sup>.

Ошибки в классе I против простого правила В также поддаются группировке: они обусловлены действием дополнительных возмущающих факторов. Писец ошибается в 21 форме: *кръкотоцнѡа* 31б, *мълзцн* 66в, *въцасѣ* 80а, *отроцнцѣмъ* 86г, *цлѡцѣскын* 87б (bis), *рѣць* 87в, *нздаѡца* 91в, 142в, *нацаша* 100б, *цьто* 101а, *оцн* 124а, *цълн* 130б, *далѣцѣ* 131а, 131г, *процнн* 132а, *растоцн* 134г (аор.), *члѡцѣ* 136г, *рѣдъцлѡкы* 145б, *нзыцъннцн* 145г, *члѡцѣстѣ* 149г. Ошибки допущены либо в формах, содержащих больше одной аффрикаты, либо в формах, где образуется сочетание *оц*, и к несоблюдению правила В могло подтолкнуть частотное шаблонное написание *оцѣ*. В двух других примерах — *цьто* 101а 18, *цълн* 130б 1 — могла произойти графическая интерференция с корнем *-лнц-*, поскольку в обоих случаях перед словом идет частица *лн* (т. е. в тексте мы имеем *лнцьто*, *лнцълн*) И только в единичных примерах ошибки против правила В не поддаются какой-либо группировке.

Ошибки против правила В во второй части ME<sub>1</sub> (после л. 77 об.) заметно учащаются, хотя их процент в целом остается незначительным. Можно говорить лишь о том, что писец Домка пытается во 2-й части даже несколько усложнить систему написаний, разводя графические дублиеты при стечении двух и более

<sup>19</sup> Особенно частотна форма ИП мн. *оуѡннцн* (27 раз на л. 1–44 об.).

<sup>20</sup> Оставшиеся примеры с ошибкой: *оцѣ* 6в, *бвъцлхъ* 14г (прил.), *въ оцѣство* 35б, 68а.

аффрикат в словоформе и применяя к написаниям I класса ряд графических шаблонов. Однако все эти дополнения к правилу применяются непоследовательно и производят впечатление неустойчивых приемов написания аффрикаты, индивидуальных для данного писца. Важно, что эти неустойчивые приемы все же поддаются интерпретации и свидетельствуют о знакомстве писца А с полным набором приемов написания аффрикаты.

Второй почерк МЕ дает такое распределение ошибок по классам:

Таблица 4. Написания аффрикат в МЕ<sub>2</sub>

	I	I'	II	III	Всего
Правильные	312	11	69	45	437
Неправильные	15	2	8	13	38
% неправильных	4.59	15.38	10.39	22.41	8

У писца Б процент ошибок закономерно больше в классах I' и III. Однако соответствие сложности правила и большего количества ошибок против него в данном случае мнимое. Рассмотрение конкретных примеров показывает, что писец Б владеет правилами А, В и С чуть ли не в обратном соотношении по сравнению с той картиной, которую дают процентные соотношения в разных классах написаний. Все ошибки в III классе исчерпываются устойчивым (хотя и этимологически неверным) лексикализованным написанием существительного **оуѣ**. Что касается класса I', то обе ошибки против правила С, допущенные в его рамках, можно квалифицировать как сложные случаи. Притяжательное прилагательное от существительного жен. рода с суффиксом **-нц-** (**вьдовнцѧ** 51в, прил., ВП мн., муж.) определено менее частотно, чем соответствующее существительное (встретилось всего 1 раз, наряду с многочисленными существительными с суффиксом **-нц-**). Возможно, что такую редкую форму писец в контексте воспринял как субстантивную. Ошибка во втором примере — **вѣлнцѧютъсѧ** б3в — также, по-видимому, связана с аналогией: глагол **вѣлнцѧтн** писец воспринимает как параллель к глаголу **нарнцѧтн** (встречается в МЕ<sub>2</sub> дважды). Можно отметить, что в этом втором примере писец выбрал графему именно в соответствии с правилом: после **н**, **ь** писать **ц** «в глагольных формах и отглагольных образованиях» [Живов 2006 (1986): 106].

А вот против простых правил А и В (классы I и II) писец Б допускает действительные неупорядоченные промахи: класс I — *цасъ* 47а, *цълн* 49г, *кзннгъцнѧ* 51в, 51г, 52б, *ннцѣ* тоже 51г, *пророцьскыѧ* 53а, *прѣцьстѣн* 53а, *члѣцьѧ* 54г, *члѣца* 54г, *члѣць* 55б, *брацьннн* 58г, *члѣцьскомъ* 62а, *въцьноуоумоу* 62б, *члѣцьскы* 74в; класс II — *ръун* 45б, *нчълн* 46а (аор.), *оуѣннун* 46в, 47в, 75б (сущ.), *въ роуучъ* 47б, *въ члѣчѣхъ* 57а, *чрѣство* 76г. Например, форму *въ роуучъ* можно квалифицировать как банальное неприменение правила А: писать *ц*, если в речи звук [k’].

Можно сказать, что при написании аффрикат писцы МЕ не руководствуются исключительно системой базовых правил. В написании отдельных групп слов (с сочетанием *-ннц-*, основой *-коньц-* у писца А, и лексема *отъць* у писца Б) оба писца допускают отступления от правила С. Кроме того, более опытный первый писец МЕ допускает подобные отступления и от правила В (в написании корня *-далеч-*, *ц* вм. *ч* после *о*). Применение дополнительных локальных правил остается не вполне ясным, ведь при последовательном применении правил А, В и С разные дополнения к ним являются ненужными. Поэтому возможно, что для писцов важнее был практический результат — приведение орфографии аффрикат рукописи в соответствие со стандартным, а не последовательность в применении того или иного общего принципа (ср. альтернативную систему правил, предложенную Л. Стенсландом [1985]). Данные МЕ показывают, что для упорядочения написания аффрикат новгородские писцы могли пользоваться достаточно сложной системой разнородных правил.

### 3. Состояние редуцированных гласных в Милятином евангелии

На написания редуцированных в МЕ, особенно значимые в связи с существующими затруднениями в датировке памятника, неоднократно обращалось внимание. В исследовании Е. В. Ухановой [Уханова 2009: 216] приводятся результаты предварительного анализа языка писцов рукописи, позволяющие ей говорить об отсутствии в памятнике следов падения редуцированных. Придерживаясь датировки МЕ первой половиной XII в., Б. И. Осипов среди языковых особенностей текста, подтверждающих эту датировку, отмечает сле-

дующее: «Редуцированные обозначаются этимологически верно: видимо, они произносятся и осознаются писцом» [Осипов 2010: 84].

Более подробно вопрос о редуцированных в МЕ был рассмотрен в специальном исследовании Е. Закшевского [1986]. Однако по ряду причин эту работу нельзя признать дающей исчерпывающее представление о написаниях редуцированных в памятнике: многие из приведенных данных неточны, а иногда и ошибочны<sup>21</sup>, приводятся без разграничения по писцам рукописи. Это делает необходимым повторное исследование состояния редуцированных в памятнике.

Рассмотрим написания еров в составе разных морфем по отдельности.

**Написания в корнях.** Корни в МЕ по написаниям с ерами можно разделить на 3 разряда. 1-му разряду (кѣнѣз-, мѣног-, тѣкъмо, пѣт-, -къто-, рѣпѣт(атн)) свойственно преобладающее написание с пропуском редуцированного. В лексемах 2-го разряда написания с пропуском и без пропуска редуцированного являются, по-видимому, одинаково допустимыми: мѣнѣ (мѣною), вѣс- ('omnis'), вѣс- ('vicus'), кѣннѣ-, -мѣн(ѣтн), -вѣто-/-вѣсо-. 3-й, самый многочисленный разряд составляют корни, для которых написание с редуцированным можно считать основным для писцов МЕ: съп-, донѣдѣже<sup>22</sup>, пѣс-, алѣк-, зѣл-, (соу)пѣр-, дѣв-, гѣн-, наречия на -жѣдо. Небольшим числом примеров представлено допускающее пропуск буквы редуцированного наречие онѣдѣ.

При этом последовательно с редуцированным в МЕ пишется ряд корней, допускающих пропуск еров уже в древнерусских рукописях XI в.: вѣт- (12 примеров), пѣшен(нц)- (6 примеров), тѣл- (6 примеров), зѣв- (более 50 примеров), съл- (более 65 примеров).

Точные количественные данные, распределенные по писцам МЕ, приведены в Таблице 5 (при количестве примеров с сохранением еров в скобках указано, сколько из них приходится на конец строки):

---

<sup>21</sup> В частности, приводятся примеры пропуска в лексемах *прнтѣча* (вѣс *прнтѣча* 33об — [Закшевский 1986: 132]), *тѣлѣтн?* (*тѣлѣющн* 116 — там же); 4 примера с пропуском в приставке *съ-* [Закшевский 1986: 139]. В действительности в перечисленных морфемах пропусков редуцированных в МЕ не наблюдается.

<sup>22</sup> В МЕ данное слово встречается исключительно в таком написании, т. е. с меной *ѣ > ѣ*.

Таблица 5. Написания редуцированных в корнях

корень	сохранение		пропуск	
	писец А	писец Б	писец А	писец Б
-кѣ то-	23 (9)	10 (3)	99	6
мѣног-	(10)	5 (4)	167	19
мѣнѣ	33 (14)	2	46	3
мѣною	13 (1)	–	11	–
тѣкъмо	(1)	5	32	2
кънаѣз-	–	–	13	1
въс- ('omnis')	208 (28)	4 (3)	143	40
въс- ('vicus')	13 (2)	–	7	1
къннг-	21 (8)	11 (2)	56	7
пѣт-	3	1	12	1
мѣн-	19 (3)	5	10	1
-уѣ то-/-уѣ со-	177 (24)	26 (3)	17	4
рѣпѣт-	1	–	4	–
сѣп-	15 (1)	1	1	–
донѣдѣѣ	31 (3)	3 (1)	3	3
пѣс-	4 (1)	2	3	–
алѣк-	15	5	1	–
зѣл-	41 (6)	8 (2)	3	–
-пѣр-	7 (1)	–	1	–
онѣдѣ	2	–	1	–
дѣв-	61 (10)	11 (1)	1	–
гѣн-	13 (1)	3 (1)	1	–
-жѣдо	17 (3)	2	5	1
Итого:	735	105	647	89

Следует отметить заметную количественную разницу в количестве основ с пропуском (22 у писца А и 14 у писца Б). При учете только собственно корневых морфем соответствующие данные выглядят как 19 у писца А и 11 у писца Б. Таким образом, по количеству корневых морфем с пропуском ѣ/ѣ писец А не превышает показателей отдельных рукописей XI в., а материал писца Б находит соответствие в большинстве рукописей XI в. [Колесов 1964: 37, таблица 6]. Меньшее количество корней с пропуском у менее опытного писца Б лишний раз подтверждает орфографический характер данного явления в памятнике в целом: писец Б менее уверенно использует параллельные безъеревые написания, чаще

опираясь на живое произношение с /ъ/, /ь/, чем более опытный писец А, освоивший обычный для древнейших рукописей круг книжных написаний корней.

Сопоставление данных Таблицы 5 также показывает, что писец Б в целом более последователен в написании редуцированных в конкретных основах. Написание корня *въс-* ('*omnis*') показывает, что эта последовательность может состоять не только в более устойчивом по сравнению с *МЕ<sub>1</sub>* сохранении редуцированного на письме, но и в более регулярном его пропуске. В написаниях корня *въс-* заметна орфографическая подоплека: единообразно — как *вс-* — корень пишется в *МЕ<sub>2</sub>* независимо от гласной слога, следующего за корнем. В единственном написании этого корня с *ь* не на конце строки в *МЕ<sub>2</sub>* *ь* находится в слабой позиции — *въсѧ* 726. В формах прямых падежей ед. ч. (8 примеров) писец Б допускает только написание *въсь*<sup>23</sup>.

При сопоставлении материала *МЕ<sub>1</sub>* и *МЕ<sub>2</sub>* орфографический характер написания с редуцированным корня *въс-* еще заметнее. При его написании писец А использует орфографическое правило для упорядочения вариантов *въс-/вс-*, из которых *въс-* является книжным и не соответствующим произношению. В 60 из 62 примеров со словоформами данного корня, содержащими *ѣ* (*въсьѣхъ*, *въсьѣмъ*, *въсьѣмь*, *въсьѣмн*), писец выбирает вариант корня с ерем. В словоформах, не имеющих *ѣ*, писец допускает более свободное употребление обоих вариантов написания корня. В то же время писец Б последовательно пишет данный корень с пропуском редуцированного — 40 раз, и только 4 раза (3 из них — на конце строки) — с *ь*. Книжным вариантом корня — *въс-* — писец Б не пользуется в том числе и в прямых падежах, допуская написание *въсь*, что может, вероятно, объясняться поддержкой со стороны его диалектного произношения данной лексемы, с сохранением ударения на флексии [Колесов 1980: 110; Попов 2004: 244].

---

<sup>23</sup> Ср. менее последовательные написания *въсь* в других памятниках [Дурново 2000 (1924–1926): 428; Обнорский 1924: 175]; см. также подробный перечень древнейших рукописей, в которых встречается данная форма — [Успенский 1973: 325]. Ошибочно указание В. В. Колесова на применение данной формы писцом А «в приписке» на л. 77об. [Колесов 1978: 28]: данное написание относится к почерку другого писца (В); впрочем, у писца А такое написание все же встречается в 4 других случаях.

Для обоих писцов характерно разграничение вариативных написаний в рамках основ *-ѹъ то-/-ѹъсо-*. Вариативность допускается только в местоимении *ѹъ то*. Отрицательное местоимение *ннѹъ то же* оба писца пишут исключительно с редуцированным (31 пример у писца А и 7 примеров у писца Б).

Не включены в Таблицу 5 данные для написания с пропуском *ъ* в косвенных падежах книжной лексемы *смокы*. Писец А в слабой позиции чаще пропускает ер: на *смоквн* 104б, *смоквмъ* 127б, 142в<sup>24</sup>; и только два раза редуцированный в слабой позиции в данной лексеме в МЕ<sub>1</sub> сохранен на письме (*смоквн* 14г, 86а). В сильной позиции писец А пишет исключительно проясненный гласный в основе (см. ниже). Писец Б предпочитает обозначать редуцированный как в слабой, так и в сильной позиции: *смоквъ* 46а, 47в, *смоквъное* 47г, *ѿ смоквъе* 55а.

Объем пропусков букв редуцированных в МЕ в корнях позволяет объединить его по данному параметру с древнерусскими рукописями XI — начала XII в.

**Написания в суффиксах.** Основная часть пропусков *ь* в суффиксах — 17 из 26 — в МЕ происходит после *р* (19 из 26 — после сонорных), т. е. условиях, благоприятствующих наиболее ранней утрате еров в старославянском языке, и эти написания могут быть признаны традиционными. Полный список составляют следующие примеры: *въ цьсарствнѣ* 15а (bis), *жьрѹемъ* 23а, *жьрцн* 23а, *въ моѹнахъ сатахъ* 33г, *невьрнъ* 41г, 149б, *вьрнъ* 73а, 122г, *вьрнѹн* 102г, *вьрне* 73а, 112б, *вьрнн* 123а, *съ невьрнѹнн* 103а, *зѣмннн* 46б, *старцн* 48а, 138б, *старѹьска* 74б, *ѡвца* 93г, *къ ѡвцамъ* 129б, *съ соѹпьрннкъ|мъ* 103г, *съхра|нно* 138а, *кнн|жннкъ* 92б.

Традиционность написаний видна в закреплённости написания суффикса с пропуском за конкретной лексемой: в 9 случаях из 14 пропуск в суффиксе *-ьн-* относится к основе *вьрьн-*<sup>25</sup>. Характерно, что при выборе написания *вьрьн-/вьрн-* между пис-

<sup>24</sup> Ср. пропуск ера в данной основе в Изборнике 1073 г. [Дурново 2000 (1924–1926): 420].

<sup>25</sup> Часть из них приводит Л. Л. Васильев, отмечая, что «если объяснять *вьрнъ* аналогией, то придется допустить аналогию на фонетической почве: *вьрнъ* являлось под влиянием *вьрна* и др. подобных форм» [Васильев 1909: 310].

цами А и Б сохраняется то же различие, которое наблюдается при пропуске еров в корнях. Писец А пишет данную основу с редуцированным трижды: **нѣвърь|нъ** 101б, **върьнъ** 112б, **върь|ннн** 123а, в том числе только один раз — не на конце строки, т. е. написание **върн-** для него — преобладающее. Писец Б напротив, пропустив ерь в двух примерах, чаще сохраняет его на письме: **нѣвърьнъ** 47а, **върьнъин** 55б, **върьнъ** 73б. Это соответствует его общей орфографической стратегии выбора варианта написания с редуцированным, отмеченной для написаний еров в корнях и отражается также в целом в меньшем по сравнению с первым почерком МЕ количестве лексем, допускающих пропуск редуцированного в суффиксе.

Формы с пропусками в суффиксах у писца А вне основы **върн-** происходят из написаний протографа, поскольку находят соответствие в старославянских памятниках и не являются приоритетными для писца. Так, при двух пропусках еря в основе **ѡкъц-** он 19 раз пишет ее без пропуска, при одном пропуске в основе **кннжьннк-** — 46 раз без пропуска и т. д.

Пропуск еров в суффиксах у писца Б ограничен тремя основами — **върн-**, **зѣмн-** и **старц-**, т. е., как и в случае с корнями, представлен в меньшем количестве лексем, чем в МЕ<sub>1</sub>, и исключительно после сонорных.

По количеству пропусков еров на письме в суффиксах МЕ уступает отдельным древнерусским рукописям XI в., не отличаясь при этом от них (как свидетельствуют приведенные примеры) качественно. В этой группе написаний писцы применяют дублетные безъеровые написания даже менее активно, чем в корнях.

**Написания в приставках, предлогах и окончаниях.** Пропуск еров в приставках и предлогах в МЕ ограничен предложно-падежными формами: **к нѣмоу** 53а, 94в, 104г, 124г, 126в, **к ннмъ** 93в, 115г (bis), 117в, 128г, 144а, 144г, **к нѣн** 127б, **к томоу** 5б, 11а, 69б, 127б, 128г, 130г, 142в, 147г, 149в, 158б. Закономерно этой книжной орфограммой пользуется в основном писец А, причем обращается к ней впервые только на л. 94 об. (в целом чаще употребляя вариант с ером — **къ нѣмоу** — 39 раз, **къ ннмъ** — 16 и **къ нѣн** — 2; хотя **къ томоу** он пишет с ером реже, чем с пропуском — 7 раз), а во втором почерке она встречается единожды. Кроме того, один раз редуцированный пропущен писцом Б в приставке **съ-** — **къ**

скрѡвъхъ 54в<sup>26</sup>. Этому написанию находится аналогия в Изборнике 1073 г., где ѡ чаще всего пропускается в данной приставке именно перед к [Еленски 1960: 184].

В окончании пропуск редуцированного зафиксирован только один раз, в специфическом графическом контексте: оу̑соу̑мнн̑са 127в. В данном случае писец А, пропустив слог с редуцированным, вписал его над строкой без ѡ, поскольку в формах глагола 3 лица перед са пропуск редуцированного в принципе допускался древнейшей орфографической нормой [Дурново 2000 (1924–1926): 420].

**Написания с о, ѡ вместо исконных ѡ, ѡ.** Тот факт, что примеры с прояснением еров в сильной позиции встречаются только у писца А, при сопоставлении с описанными особенностями пропусков еров на письме в МЕ сам по себе говорит об орфографической природе таких написаний. Писец А последовательно использует южнославянские написания слов смокъы (косвенные падежи), смокъвьннца и скръжьтъ: скръжьеть 24в, 34б–в, 35а, 64в, سموкъъ 104б, سموкъвьннца 154в (bis), سموкъвьннцю 119а, 127б (-цоу̑), 127в (bis), 142в, 154б, ѡ سموкъвьннца 133б, 157а, سموкъвьннчѡское 154в. Так же, как и формы с пропуском ера в слабой позиции в основе смокв-, отмеченные у писца А, данные написания в орфографической системе МЕ имеют подчеркнуто книжный характер на фоне соответствующих форм писца Б, записывающего их по фонетическому принципу: смокъвь 46а, 47в, смокъвьное 47г, скръжь|тъ 55г. Менее последовательно книжное написание применяется писцом А также в основе гръзн-: грозннѡ 86а<sup>27</sup>, но гръзны 14г; а также по одному разу в причастии с корнем -кръв-: покровено 100в и в наречии: токмо 154в.

Вторая группа примеров с написанием о, ѡ вместо исконных ѡ, ѡ связана с графической меной этих букв. В МЕ отмечены примеры: н̑же прн|коу̑детѣ 4б (3 лицо, ед.), ѡ с̑е̑чь то·| 7г (муж. р.), ра|ко̑ можетъ 20б, зем̑ен̑ьн̑хъ 25в, н̑н̑въхъ| д̑хъ̑ з̑д̑л̑н̑ше̑ се̑бе̑ 30б, н̑з̑в̑л̑о̑к̑з̑ше̑ 34г, д̑л̑го̑ о̑ставн̑| 50г (сущ., муж. р.), к̑льнет̑еса̑ 51г (3 лицо, ед.), т̑ько̑мо̑ 70а, н̑ко̑ же̑| реч̑ет̑е̑ 127в (3 лицо, ед.), стар̑еч̑ем̑ъ 143б, в̑ьст̑е̑| бо̑ 145г (3 лицо, ед.); ср. также более

<sup>26</sup> ἐν τοῖς ταμείοις — Мф.24:26.

<sup>27</sup> Ср. обычность подобных написаний в памятниках южнославянского письма X–XII вв. [Дурново 2000 (1924–1926): 441].

редкие примеры обратной замены: *нѣцѣ|щѣ ѡтн* н 49а (ИП мн., муж. р.), *пнркасаіѣтъ сѧ* 100а (2 лицо, мн.), *ннкто жь| възложь* 105а, *вътъръзи* 130а, *оѣсоѣмннтѣсѧ* 154в (2 лицо, мн.).

Подчеркнуты в приведенных примерах те, в которых замена может объясняться влиянием соседних слогов или словоформ, т. е. потенциальные описки. Это объяснение вполне удовлетворительно для материала МЕ, поскольку у обоих писцов отмечены случаи антиципации (напр., *чнстѣ іѣстѣ* 4а, *оѣчѣше* 36б, *герѣ* 51в, 52г, *по доломъ* 158б (о вм. ѣ) и др.) и графического повтора (напр., *сѧдѧте* 2а, *донъдоже* 27б, 104б, *ѡ града* 82г (РП мн.), *знжнщѣн* 155в и др.).

Из оставшихся примеров, графически не обусловленных, некоторые глагольные формы (*пнркасаіѣтъсѧ* 100а, *къстѣ| бо* 145г, *оѣсоѣмннтѣсѧ* 154в) могли по невнимательности быть неправильно интерпретированы писцом А, тем более что и форма *къстѣ* (2 лицо, мн.), и форма *оѣсоѣмннтѣсѧ* (3 лицо, ед.) встречаются в тексте евангелия. Неправильная интерпретация формы особенно вероятна для последнего случая. Данная форма употреблена в контексте: *іѣце нѣмѧте къроу·нѣ| нѣ оѣсоѣмннтѣсѧ*, где окончание в форме *нѣмѧте* переправлено писцом с -тъ на правильное -тѣ. Писец А, видимо, весь контекст прочитал в ед. числе и, заметив ошибку, исправил только первую форму.

Оставшаяся форма — *нѣзвло|къше* — имеет аналогию в служебной минее на август из собрания РГАДА (ф. 381, № 125) XI–XII вв., описанной Р. Н. Кривко [2007]. Подобное написание здесь также наблюдается в единичном случае: *нѣ|млоучно* 102 об. Р. Н. Кривко говорит об уникальности данного примера в книжной письменности древнейшего периода; присутствие в рукописи подобной формы, по мнению исследователя, позволяет датировать создание кодекса «второй или третьей четвертью XII в.» [Кривко 2007: 242]. Редким написаниям книжных памятников находится аналогия в формах *во брозъ*, *мловнла* берестяной грамоты №731 (вероятно, 50–70-е гг. XII в.). Для этих примеров А. А. Зализняк предполагает фонетическую подоплеку, обусловленную особой рефлексацией сочетания редуцированного с плавным в новгородском диалекте [Зализняк 2004: 50]. А. А. Зализняк противопоставляет данные формы, записанные в бытовой орфографии (эффekt *ъ* → *о* в данной грамоте) примерам написания с редуцированным после плавного в берестяных грамотах

как использующим орфограммы старославянского типа. В таком случае отклонение от стандартной орфографии в МЕ в данном случае может объясняться влиянием диалектной огласовки корня -*влок-*.

#### 4. Грамматические особенности Милятина евангелия

##### 4.1. Особенности именного склонения

В исследованиях по исторической морфологии древнерусского языка XI–XIII вв. для иллюстрации тех или иных инновационных процессов в ряде случаев используется материал МЕ. Основная часть подобных примеров из области субстантивного склонения приводится А. И. Соболевским в «Лекциях по истории русского языка». Исследователь отмечает следующие формы, отражающие процессы смешения древних типов склонения: *словъ* 144 об. (ТП мн.), *нзъ оуеса* 16, *чюдеса* 54 об. (ВП мн.) [Соболевский 1907: 177]; *многъ зинн* 145 (РП ед.), *на зѣмль* 88 [Там же: 181]; *рабъ зинн* 103 (ВП мн., [Там же: 182]); *до сеа сжотъ* 77 об. [Там же: 183]; *кна зн* 144 об., *градн* 147 (оба — ВП мн., [Там же: 195]). В дальнейшем исследователи приводят в основном те же самые примеры (ср. [Марков 1974; Хабургаев 1990; Иорданиди, Крысько 2000; Колесов 2009]).

Некоторые формы, редкие для памятников домонгольского периода, привлекают особое внимание, поскольку позволяют соответствующим образом датировать тот или иной процесс. Так, пример ВП мн. на -н в м. исконного окончания -а (*рабъ зинн* 103а) цитируется в работах [Соболевский 1907: 182] и [Иорданиди, Крысько 2000: 149] в группе контекстов XIII в. При этом во втором случае приводится аналогичная форма из Изборника 1076 г. (*многъ зинн*), хронологически заметно изолированная от основной массы примеров. Между тем, если рассматривать МЕ как памятник начала XII в., до некоторой степени оказывается устраненным временной разрыв более чем в столетие между самым ранним подобным примером из Изборника 1076 г. и основной группой контекстов. В таком случае оба древнейших примера влияния твердого типа склонения на мягкий в жен. роде будут относиться к существительным на -*зинн*.

Отнесение МЕ к первой половине XII в. сдвигает в целом хронологию взаимодействия форм \**o-* и \**a-*склонений: древнейший пример такого взаимодействия находится в МЕ (*къ старѣншннѣмъ жьрьвѣскамъ*· 136б) и приводится в работе Р. Д. Шепелевой [Шепелева 1972: 7–8].

Указанные примеры важно представить в контексте других вариантов оформления соответствующей грамматической категории в памятнике, показать их типичность или исключительность для самого МЕ и оценить их распределение по писцам.

В рамках **единственного числа** важно проследить отражение в рукописи процесса смещения склонений на \**o* и на \**u*, экспансии флексий продуктивных типов склонения, взаимодействия твердой и мягкой разновидности \**o*- и \**a*-склонений. Материал МЕ демонстрирует сохранение оппозиции \**o*- и \**u*-склонений. Состав флексии парадигм при этом не сохранился в исконном виде.

Типы склонения противопоставлены, в частности, за счет наличия падежного синкретизма РП=ДП=МП = -оу в \**u*-склонении (встретились лексемы **домъ**, **волъ**, **полъ**) и его отсутствия в \**o*-склонении. При этом оппозиция усиливается возможностью вариативности флексии ДП ед. (-оу/ -овн) в \**o*-склонении и, по-видимому, единственно возможной флексией -оу для данного падежа в \**u*-склонении. Дополнительно у флексии -овн прослеживается ее закрепленность за именами, означающими лица. В МЕ зафиксированы следующие формы: **петровн** 46б, **кесареѣн** 59в, 157б, 157в, **гѣн** 69а, 117г, 158а, **снмоновн** 61б, 78г, **моу жеѣн** 87в, **дхѣн** 98б, 101в, **къ внноградареѣн** 104б, **бѣн** 116а, 123в, 129г, 132а, 157в, **нѣръоки** 147в, **къ снѣн** 153б (bis). Примеры показывают, что исконная флексия \**u*-склонения используется только вне лексем \**u*-склонения: в \**o*-склонении, а также распространяется на слово \**i*-склонения (**гѣн**). В такой ситуации наличие формы **снѣн** скорее свидетельствует об объединении лексемы **снѣ** с группой слов, употребляемых с той же флексией в ДП (с одним исключением (**къ ол таревн** 11б) — существительных, обозначающих лица), чем о сохранении данной лексемой парадигмы исконного склонения<sup>28</sup>: в МЕ слово **снѣ** в ед. ч. изменяется по \**o*-склонению во всех падежах<sup>29</sup>, кроме звательной формы, где чаще наблюдается флексия -оу — 10 примеров (при 2 формах **снѣ**)<sup>30</sup>.

<sup>28</sup> Достаточно последовательное применение ДП на -овн в именах с личным значением можно объяснить стремлением писцов упорядочить применение дублетных флексий.

<sup>29</sup> В МП отмечены: **о снѣ** 111г, 122а.

<sup>30</sup> В ИП мн. для данной лексемы в МЕ также наблюдаются исконные флексии \**u*-склонения: **сынове** 10г, **снѣе** 13а, 34а (bis), 97а, 107г, 117б,

Вариативность в оформлении слов *\*en-* и *\*es-основ* наблюдается в МЕ в РП, ТП и МП ед. Сохраняется свойственное раннедревнерусской системе противопоставление флексий РП и МП [Колесов 2009: 159]. В РП в преобладающем большинстве случаев используется исконная флексия консонантного склонения (63 раза), в 11 примерах (в основном, в *\*en-*основах) можно видеть флексию *\*i-*склонения (-н) — *словесн сего 50б, до коньца нѣсн 133б<sup>31</sup>, ѿ днн 21г, 69б, до... днн 72а, коренн 63а, 65а, камєнн 114б, врьменн 114б, ѿ многа врьменн 144в, плєменн 130а*. Кроме того, в двух примерах наблюдается флексия *\*o-*склонения (-а), из которых 1 раз — без *es* (слова *дѣла 65а*)<sup>32</sup>, а один раз — с сохранением этой основы (*нз оуєсѧ 16б*). Появление диакритики в последнем примере в неположенном месте (над гласной после согласной) в любом случае свидетельствует о невнимательности писца и не исключает возможность описки (ср. выше рассмотрение этого примера как появившегося в результате антиципации).

В противоположность РП в МП *\*en-* и *\*es-*основ преобладает окончание -н. Только писец А в 5 случаях употребляет исконную флексию консонантного склонения: *въ словєсє 115г, на дѣлѣзѣ врьменє 128г, въ днѣ 151б (bis), на нѣсє 156г*. Примеры такого рода появляются в рукописи, только начиная со 115 листа. При этом в РП ед., наоборот, — инновационная флексия в словах сред. рода появляется, начиная со 114 листа. Такое детальное совпадение, скорее всего, случайно, но оно все же показывает примерно одинаковый периферийный статус окончания -н в РП ед. и -є в МП ед. в МЕ. Особенностью писца Б является оформление в двух случаях *\*es-*основ с сохранением приращения, но по *\*o-*склонению: *на нєбєсѣ 49в, о словєсѣ 50в*.

Таким образом, вариативность флексий МП ед. в муж. и сред. роде в МЕ<sub>1</sub> связана с вариантами -н/-є, а в МЕ<sub>2</sub> — с вариантами -н/-ѣ.

---

117в, 159г, снѡкє 15г, 24в, 29б, 46в, 53а, 58г, 82б; других вариантов флексии не отмечено. Кроме того, один раз флексия -овє используется в МЕ<sub>2</sub> в другой лексеме с личным значением — *ждовє 74а* (исконная для данной лексемы флексия).

<sup>31</sup> Ненадежный пример — возможно, ДП.

<sup>32</sup> Также единичный пример в аналогичном сочетании содержит Добрилово евангелие [Тот 1976: 59].

Хотя в МЕ<sub>1</sub> фиксируются также формы \**es*-основ, но от основы без \**es* — в слове *око*: *къ оцъ* 16а, 16б, 85г (5 раз).

Для существительных исконных \**es*-основ в ТП можно отметить систематичные формы без приращения основы — по \**o*-склонению: *тъломъ* 20в, *тъломь* 69в, 126в, *словомъ* 23в, 24б, 91а, 129в, 157б, *словъмь* 59б, *окомъ* 43в, *съ... шкомъ* 124а; при единичных примерах исконного склонения с сохранением \**es*: *нбѣемь* 12б, 159б, *тълѣсемъ* 14а, *нбѣъмь* 52б. При этом примечательно, что при изменении исконных \**es*-основ по \**o*-склонению писец А сознательно выделяет как исконные, так и инновационные формы средствами орфографии — специфическим «болгарским» вариантом написания флексии (*тъломь*/ *тълѣсемъ* в МЕ<sub>1</sub>, но *словъмь*/ *нбѣъмь* в МЕ<sub>2</sub> — см. [Мольков 2014с: 24]), подчеркивая, видимо, таким образом единство лексемы. В \**en*-склонении окончание ТП ед. варьируется только орфографически.

Для \**er*- и \**ī*-склонений вариативность флексий в МЕ отмечена только в РП и свойственна только писцу Б, ср.: *црѣкѣ* 23б, *нс црѣкѣ* 131б, *мѣре* 37в, *матере* 106а, 125г, *нз дъщере* 75г, *ш крѣкѣ* 53б, 100б, *крѣкѣ* 69б, 95а (bis), 142г, *до крѣкѣ* 100б, *ш смокѣ* 55а, но — *нз дъщери* 76а, *до крѣкн* 53б. При этом в МП этих склонений используется только вторичное окончание -н (17 примеров).

В рамках процесса **взаимодействия твердого и мягкого подтипов** склонений помимо приводимого А. И. Соболевским примера на влияние мягкого подтипа склонения на твердый в жен. р. (*до сеа· ѿжтъж* 77г) можно отметить только ненадежные примеры в муж. р. — дважды в идентичном контексте: *о ѿдномъ грѣшннцн кающнмъ са* 106г, 107а. В данных примерах могла возникнуть путаница в суффиксах -ннк-/-ннц-, связанная с частыми в тексте евангелия формами жен. р. МП типа *къ тъмннцн*, *на мзтъннцн* и т. п., а также с наличием однокоренного слова в жен. р. (*грѣшннца*).

Общедревнерусские инновационные формы, связанные со взаимодействием твердого и мягкого подтипов, свободнее проникали в язык памятника по сравнению с диалектными. В РП помимо отмеченной А. И. Соболевским формы *многъшнн* 145б нами отмечен еще один пример: *не дша ли большн кѣсть пнцъ· н тѣло ѿдежди*· 20в (Мф б: 25). Инновационная флексия в сочетании с южнославянским рефлексом *жд* в одной форме выглядит не совсем обычно, тем более что та же лексема дважды в МЕ<sub>1</sub> с

рефлексом ж имеет в РП ед. книжную флексию: *о́дежа* 14а, 64в. Обращает на себя внимание также и то, что форма *о́деждн* появляется в одном контексте с формой, имеющей древнерусскую флексию РП ед. -ѣ (пнѣѣ). Две русских формы в одном контексте заметно выделяются, если учесть, что формы РП ед. с южнославянским вариантом флексии -а/-а используются в МЕ в 6 раз чаще, чем их древнерусский эквивалент (-ѣ) — 42/8 соответственно<sup>33</sup>. По-видимому, в этом контексте писцу было особенно важно избежать омонимии И–РП в жен. роде, свойственной южнославянским флексиям на русской почве. Такой путь решения проблемы характерен для писца А, часто использующего дублетные написания разного типа.

Появление формы РП, отмеченной А. И. Соболевским, также, по-видимому, обусловлено контекстом: *въннманѣ мѣстѣнн* *вашѣмъ не творитѣ прѣдъ цѣлѣкы* 145б (Προσεύχετε τὴν δικαιοσύνην ὑμῶν μὴ ποιεῖν — Мф. 6: 1). Форма могла быть переосмыслена как ДП ед., зависящий от формы *въннманѣ*. Пример оказывается ненадежным.

В МП пример влияния твердого подтипа приведен А. И. Соболевским неточно — с пропуском прилагательного, ср. более полный контекст: *на добръ землѣ* 88б. На выбор флексии -ѣ могло повлиять как раз предшествующее прилагательное твердого подтипа склонения. В МП выявлено еще одно использование этой флексии: *въ оу́жьннѣ* 21а. Как и в рассмотренном выше примере муж. р. (*о́дномъ грѣшьннѣ*), в данном случае наличие слов *оу́жьннѣ/оу́жьннца* могло создать для писца затруднение в выборе флексии -ѣ/-н. Не исключена и антиципация: в следующем в тексте слог (дѣла) также гласная ѣ.

В совокупности с вышеупомянутой формой мн. ч. — *ра|бѣнн*·103а — рассмотренные примеры позволяют предположить, что в \**ja*-склонении инновационные формы, связанные с влиянием твердого подтипа склонения на мягкий, несколько активнее проникают в текст памятника, чем в \**jo*-основах. Возможно, это связано с большей активностью самого процесса смешения подтипов склонения в рамках \**a*-основ.

<sup>33</sup> Также пример на л. 28г — *лоу́ннѣ іє|сть члѣкѣ окцѣ*. Все примеры с -ѣ в РП: *пнѣѣ* 20в, *о́вцѣ* 28г, *посередѣ пшѣннѣѣ* 33а, *братѣѣ* 49б, *пѣть братнѣѣ* 91г, *срачнѣѣ* 85б-в, *пшѣннѣѣ* 107в-г, *вечерѣ* 113в.

Для именных форм **множественного числа** МЕ дает материал, связанный с процессами взаимодействия разных типов склонения и смешения форм ИП и ВП.

**Смешение типов склонения** в ИП ярче всего представлено в разносклоняемых существительных, изменяющихся во мн. ч. по консонантному склонению. Варианты -е/-н находятся в отношениях свободного варьирования: мѣтѣрѣ 13а (bis), 25г, 48в (bis), 155а, мѣтѣрн 27г, 106в, 155а, црѣ 46б, црн 95г, рѣбарѣ 78б, жатѣлѣ 34б, дѣлатѣлѣ 60а (bis), 115а, 116в, 155б (bis), дѣлатѣлн 115б, 128в, законооуѣнтѣлн 81б, галнлѣанѣ 104а, гражданѣ 112а. Привлекает внимание преобладание в примерах исконной флексии -е (17 из 24). Поскольку в рукописях XI в. «существительные типа мѣтѣрь с окончанием -е представлены единичными примерами» [Иорданиди, Крысько 2000: 46], данные МЕ с преобладающим написанием -е являются скорее архаизмом (исконных форм РП в МЕ для лексем на -арѣ, -тѣль не отмечено). При этом у писца Б встречается только флексия -е (5 примеров). Вариативность в ИП отмечена также в лексеме дѣнь (исконно консонантного склонения): кроме флексии по \*i-склонению -нѣ используется \*o-основное окончание -н в составе выражения дѣнн тн 156в<sup>34</sup>. У лексем муж. рода \*i-склонения последовательно выступает исконная флексия: голоуѣннѣ 18б, людѣе 74в, людннѣ 79а, 109г, 114в, 114г, 119б, 123в, татннѣ 113а, 146в, татынѣ 146в, ѡрьвьннѣ 113а.

Можно отметить варьирование южнославянского/ восточнославянского вариантов флексии в И–ВП мн. в рамках типа склонения на \*ja. Предпочтительным является книжный вариант флексии (-а/-а). При этом древнерусская флексия -ѣ используется, во-первых, в единичных примерах: скнннѣ 67а (но скнннѣ 135а, кѣ скнннѣ 28б-в, 67а (bis), 98в) и кѣ довнцѣ 81а и, во-вторых, является, по-видимому, предпочтительной для слова птнца (5 примеров с -ѣ и 3 — с -а). В последнем случае можно видеть попытку упорядочения написания дублетных флексий для отдельных слов.

В РП единожды употреблена неисконная флексия для слова \*и-склонения: до вѣрьхѣ 81б. Исконная же флексия — -окѣ — отмечается в МЕ в двух примерах лексем \*o-/\*jo-склонений: грѣхѣокѣ

---

<sup>34</sup> Ср. также написание дѣнн тн в Юрьевском св. ок. 1120 г. [Евангелие 2005: 130].

2а, *ѿ мно|гъ краучькъ* 69б; и при этом используется в словах \**и*-склонения: *ѿ... снѡвъ* 46в, *тнѡвъ* 107г, *домовъ* 125г. Варианты флексии РП представлены также для слова *дньнъ*: *ѿ днн* 21г (вм. *дннн*), *дннн* 109в, 156г, но *прѣже шестн дннъ* 153в (вместо исконного *дннъ*).

Отмеченная в литературе форма ДП *къ старѣншно|мъ* (136б), вероятно, отражает более раннюю стадию процесса смешения склонений во мн. ч., чем тенденция к унификации по \**а*-склонению, проявляющаяся в книжных памятниках с XIII в. [Иорданиди, Крысько 2000: 238]. Разносклоняемые существительные имеют в ДП окончание по \**ю*-склонению: *мъгаремъ* 22а, 87а, 126в, *къ ѿремъ* 117г, *жателемъ* 33б, *мѣтлемъ* 51б (ср. преобладание неисконной флексии уже в старославянских памятниках — [Вайан 1952: 130–131]).

Зафиксированный А. И. Соболевским пример смешения парадигм на \**es* и \**o* (*словазы* 144в) имеет в МЕ и форму с сохранением основы на *-es-*: *словазы* бв. Таким образом, ТП \**es*-склонения оказывается отмечен возможностью дублетных форм в обоих числах.

Вариативность свойственна флексиям МП основ на \**-es-/-os* (в \**en*-основах представлена в 3 примерах только исконная флексия *-ьхъ*). Преобладает старославянский вариант флексии *-єхъ* (21 пример при единичных отклонениях). Возможно, неупотребительность форм мн. числа в обиходной речи писцов обусловила выбор книжного окончания в качестве основного. Но в одном примере у писца А употреблена исконная флексия (на *нѣсьхъ* 111в), а у писца Б — флексия по \**o*-склонению (на *нѣсьхъ* 63г)<sup>35</sup>.

От существительных \**и*-склонения в МП отмечена только одна форма: *къ домохъ* 21в. Вариант *-охъ* в древнерусских рукописях является архаичной чертой: такие написания попадали в ранние древнерусские рукописи из старославянских протографов [Мирочник 1973: 101].

Кроме примера А. И. Соболевского на смешение ИП и ВП мн. (*гради* 147б), в тексте МЕ есть еще одна подобная форма: *лн како можетъ| кто вълѣстн къ домъ крѣпъкааго·| тн сзсудн ѿго ра|зграентн·* 29в. При ранней датировке МЕ и с учетом дальнейшей линии развития взаимовлияния ИП и ВП мн.

<sup>35</sup> У А. А. Шахматова приводится фиксация данной флексии в Ассеманиевом ев., в форме *нѣсьхъ* [Шахматов 1957: 107].

в древнерусском языке трактовка приведенных форм как реликтовых (ср. трактовку [Иорданиди, Крысько 2000: 176] вопреки Н. Н. Дурново [2000 (1924): 253]) выглядит более убедительной.

Форма ВП \**jo*-склонения, отмеченная А. И. Соболевским (кнѣзѣн 144г), также допускает трактовку, связанную не со смещением ИП и ВП мн., а с влиянием твердого подтипа склонения [Иорданиди, Крысько 2000: 177], проявившегося в МЕ и в других примерах, указанных выше. Кроме примера А. И. Соболевского (рѣкѣзѣнн 103а) выявлен еще один подобный пример муж. рода в ВП мн.: *нѣ прншѣдѣ къ|| оуѣченномѣ вѣдѣ| народѣ много ѡ нн|хъ· нѣ кѣннѣзѣннѣ·| сътѣзѣющѣсѣ| съ| нннн 122а-б*. Однако этот пример не вполне однозначен, поскольку после формы *кѣннѣзѣннѣ* идет причастие, ошибочно стоящее в ИП мн. (*сътѣзѣющѣсѣ*). Таким образом, все словосочетание могло быть по ошибке переосмыслено писцом как ИП мн.

Рассмотрение инновационных форм именного склонения в МЕ показывает, что они вписываются в рамки процессов, наблюдающихся в древнерусских памятниках XI–XII вв. Примеры, свидетельствующие о смешении И–ВП мн. ч. являются неоднозначными, что ставит под сомнение отражение в МЕ данного явления.

#### 4.2. Особенности адъективного склонения

Обследование форм адъективного склонения в МЕ на предмет использования местоименных флексий показывает, что они используются редко и только в местоименных прилагательных *кѣторѣзѣн*, *дрѣугоѣзѣн* и прилагательном *чюждѣнн*. Местоименные флексии встретились всего по одному разу в каждой из этих лексем: *дрѣуго|го* (ВП) 20в, *къ тѣждѣмѣ* 123а, *кѣтѣ|го* (РП) 134в. Последовательное изменение в остальных словоформах по членному склонению вполне соответствует норме старославянского языка [Кузнецов и др. 2006: 214–215]. Выделенность двух указанных местоимений на фоне других подчеркивает связь написаний МЕ со старославянской нормой. Прилагательное *чюждѣнн* также выделяется ранним использованием местоименных флексий, а в данном чтении — Лк 16: 12 — аналогичная форма (и также с южнославянским видом корня) употребляется в списках евангелия XI в. [Кузнецов и др. 2006: 243].

Кроме того, среди причастных форм МЕ отмечен один пример употребления причастия с местоименной флексией в РП ед.: *въ слѣдѣ| погѣкѣшѣѣ* (scil. *оуѣцѣ*) 26а. При повторе данного чтения (Лк 15: 4)

в том же причастии используется южнославянский вариант членной флексии: *погыгыъ|шага* 106г. Можно предположить, что в данном случае местоименное окончание наблюдается в форме, наиболее предрасположенной в древненовгородском говоре к влиянию местоименного склонения в ранний период. По свидетельству А. М. Кузнецова, раньше всего новые местоименные окончания проникали в парадигму женского рода [Кузнецов и др. 2006: 223], и, кроме того, «в древненовгородском говоре замена окончаний твердой разновидности местоименными сначала осуществлялась по образцу мягких основ» [Кузнецов и др. 2006: 231].

**Стяженные и нестяженные варианты** окончаний в МЕ используются по-разному в формах прилагательных, причастий и имперфекта глаголов. В работе [Мольков 2014b] показано, что по данному параметру в МЕ формы прилагательных противопоставлены причастным и имперфектным.

Для прилагательных заметно предпочтение, которое отдается нестяженным формам в позиции конца строки<sup>36</sup>. А на материале причастий и форм имперфекта сделанные для прилагательных наблюдения о роли позиции конца строки не подтверждаются.

Таким образом, рассматриваемые категории, имеющие не/стяженные разновидности морфем в своем составе, с точки зрения морфологии (не/адъективные) группируются иначе, чем при рассмотрении с точки зрения орфографии рукописи (не/упорядоченная орфография). Для формирования орфографического противопоставления оказывается важной не столько грамматическая информация сама по себе, сколько разная степень ее актуальности в грамматической системе церковно-книжного языка и разговорного языка писцов. Неактуальные для разговорного языка причастия и формы имперфекта не способствуют выработке орфографической стратегии.

**Особенности глагольных форм.** В сфере глагола МЕ нестабильность наблюдается в формах 3 лица имперфекта, аориста и настоящего времени.

Из 599 отмеченных **форм 3 л. имперфекта** в 63 примерах писцы используют окончание на -т ъ. Вариантные написания флексии не находятся в отношениях свободного варьирования: вариант на -т ъ

---

<sup>36</sup> Ср. с зависимостью от конца строки написаний ряда графических дублетов в первом почерке МЕ, описанной выше.

оказывается маркированным и имеет достаточно строгие условия употребления. В целом элемент *-ть* используется в имперфекте в МЕ преимущественно перед определенными энклитиками, что ожидается для периода XII в. Преимущественно перед местоименной энклитикой *н* имперфект на *-шеть* и *-хоуть* наблюдается также в Успенском сборнике [Янакиева 1989: 50], в «Повести временных лет» [Тимберлейк 1997: 71], в имеющих архаичный протограф древнерусских списках Паренесиса Ефрема Сирина конца XIII — начала XIV в. [Жолобов 2010: 8]. Но в сравнении с другими обследованными на данный предмет рукописями в МЕ имеется ряд характерных черт.

Из 63 форм имперфекта на *-ть* в МЕ только две формы ед. ч., обе у писца А: *цѣлашеть ѿ* 82в, *въпрашашеть н* 139в. На фоне древнейших списков евангелия редкое появление *-ть* в ед. ч. ожидаемо [Живов 2006 (2003): 213–214].

В отношении форм мн. ч. МЕ показывает ориентацию писцов на употребление имперфекта на *-хоуть* перед местоимением *н*. Из 61 примера в этой позиции находится 37 форм. При этом оба писца одинаково последовательны в применении рассматриваемых написаний: *-ть* появляется во всех случаях, когда за имперфектом следует энклитика *н*. Стопроцентная последовательность даже вызывает в одном случае появление гиперкорректного написания, когда после *-хоуть* вставляется лишнее местоимение: *прнпн|рахоуть н дроугъ дроуга* 100в.

На фоне древнейших списков Евангелия (Мстиславово ев. нач. XII в., Юрьевское ев. ок. 1120 г., Галицкое ев. 1144 г.) МЕ выделяется значительным количеством отклонений (24 раза) от указанного базового употребления (максимум в 13 отклонений до этого отмечался в Галицком евангелии 1144 г. [Живов 2006 (2003): 206–208]). Состав контекстов с расширенным употреблением добавочного элемента в рукописях качественно различается даже по сравнению с Галицким ев. 1144 г. В Галицком ев. формы на *-ть* перед неэнклитическими формами местоимений — это 11 из 13 отклонений, в то время как в МЕ их только 11 из 24. Из оставшихся 13 примеров 6 — *-хоуть* перед частицами *же* и *са* и в остальных 7 примерах — перед знаменательными частями речи: *нмаахоуть|раны, въпниахоуть|глице* 25а, *въпрашахоуть оученичн* 75б, *бмахоуть оученичн* 90в, *прѣщаахоуть прнносщ|щнмъ* 124г, *н|скахоуть ѿтн* 128г,

въпрашахуѣтъ ѣдн|ного 149г. Примеры на л. 75б и 149г лишь формально являются исключениями, т. к. в них за глаголом должно следовать **н**, но оно писцом пропущено. Такую же природу имеет единственное незакономерное написание -хѣтъ в Галицком ев. [Живов 2006 (2003): 208].

Совокупность контекстов употребления -тъ, разная степень их активности в МЕ имеют ближайшую параллель в данных древнейшего периода летописания, описанных А. Тимберлейком [Тимберлейк 1997]. Он предполагает, что во всех этих разрядах уже в древнейший период происходила экспансия форм на -тъ, но с разной интенсивностью. Функционирование элемента -тъ в МЕ может быть аргументом в пользу данной гипотезы.

МЕ сохраняет большое количество **форм аориста** на -стъ/-тъ в формах 3 лица ед. числа. Для библейских текстов степень активности этих форм в значительной мере обусловлена текстологически: в рукописях преславской редакции эти архаичные формы систематически заменяются на формы без -стъ/-тъ [Пичхадзе 2006: 129], а по данным Д. М. Мироновой, в МЕ представлена древняя редакция евангельского текста, не прошедшего преславскую правку [Миронова 2005: 167].

Формы на -стъ/-тъ в рукописи представлены следующими примерами: **ѣзы** — более 80 раз (постоянно пишется с приращением), **начатъ** 21б, 22а, 22б, 27в, 40в (bis), 42г, 62в, 69г, 70б, 85а, 98г, 114а, 114б, 121в, 121г, 125г, 127а, 131в, 134г, 137в, 139а, 139г, 149а, 150б, **оумрътъ** 31а–б, 31в, 67в, 149г, 151в, **итъ** 31в, 42г, **наитъ** 44а, 44в, **поитъ** 45а, 117б (bis), 130а (bis), 137б, 150б, **къзатъ** 110б, **нзатъ** 72б, **прнатъ** 23г, 82а, 85а, 126в, 135в, 160а, **дасть** 17б, 39в, 42а, 48а, 63а, 72в (bis), 85а, 87б, 97г, 102а, 112б, 137а (bis), 138а, 146г, 147б, 154г, 160а, **къдасть** 112а, 115а, 128б, 155б, **прѣдасть** 17в, 25в, 140а, 145б, **прѣдасть** 61б, **ѣсть** 1г, 87б, **снѣсть** 23б, 147б, **прострътъ** 87г, **къспѣтъ** 139а, 139б.

Реже в тексте МЕ встречаются формы без приращения: **нача** 27а, 67б, 70а, 100в, 106б, 139а, **нача** 70г, 88в, **оумръ** 95б, 95в (МЕ<sub>4</sub>), 117б, 130а, 157в, 157г, **оумръ** 49б (bis), 117а, 117б, 130а, **поа** 67г, **а** 67г ('взял'), **прода** 34г, **къда** 80г, 101в, **ѡда** 88г, **не да** 95в (МЕ<sub>4</sub>), **не а** 79г ('не ел'), **простръ** 28г, 147а, **поен** 104а (преобладание написаний без приращения у глаголов **оумрътн** и **прострътн** свойственно еще старославянским памятникам — [Пичхадзе 2006: 135]).

Для того чтобы нагляднее показать степень активности аористов на -стѣ/-тъ в МЕ в кругу рукописей евангелия, содержащих древнюю редакцию текста, данные МЕ можно сопоставить, с одной стороны, с показаниями списков XI в. — Остромирова и Архангельского ев., а с другой стороны — с соответствующими формами в списках конца XII — начала XIII в. — Пантелеймонова (РНБ, Соф. 1) и Полоцкого ев. (РНБ, Погод. 12). На фоне списков евангелия XI в. в МЕ не наблюдается редактуры старославянских аористных форм. Список МЕ в некоторых случаях дает более последовательное сохранение южнославянских форм, чем Архангельском ев. (ср.: *начатъ/нача* — 8/6 в Архангельском ев. и 25/8 в МЕ; *полтъ/пола* — 5/3 в Архангельском ев. и 7/1 в МЕ).

Сравнение со списками рубежа XII–XIII вв. показывает, что в них наблюдается общее направление правки данных форм по сравнению с МЕ. В Пантелеймоновом ев. — в 32 случаях, а в более консервативном Полоцком ев. — в 14 случаях аористным аугментированным формам МЕ соответствуют формы без аугмента (особенно последовательно соответствие *начатъ* > *нача*). В 2 и 6 примерах соответственно наблюдается обратное соотношение форм. Из них в 4 случаях в евангелиях рубежа XII–XIII вв. добавляется аугмент -стѣ, что представляется не случайным. По наблюдению А. А. Пичхадзе [2006: 129–130 и таблицы 1, 2, 3], аорист на -стѣ, в отличие от форм на -тъ, не устраняется в преславских рукописях и последовательно сохраняется в древнерусской норме. Правка в Пантелеймоновом и Полоцком ев. в данном случае может быть отражением сформировавшейся к концу XII в. более строгой нормы употребления форм на -стѣ, еще не актуальной для писцов МЕ.

Сопоставление данных МЕ с другими списками евангелия показывает, что по соблюдению архаичной нормы в написании форм аориста 3 лица ед. числа рассматриваемой группы глаголов МЕ примыкает к спискам евангелия XI в. и отличается от списков конца XII — начала XIII вв. отсутствием последовательного устранения «первичной» флексии -тъ.

В МЕ отмечено 10 форм **настоящего времени** без -тъ: |*чь то ѿ тѣбѣ*· 7г (Ио 21: 23); |*ко въ сѣбо|тоу жьрцн соу|боты сквьрнѣ*| 23б (Мф 12:5); |*же| ѿ кесарево кесарю·| ѿ же ѿ бжнѣ то бѣу·*| 59г (Мф 22: 21); |*соукъ ѿже ѿ въ оцѣ* 85г (Лк 6: 42); |*гда неун|стзѣн ѿзнде| ѿ члѣка* 97в (Лк 11: 24, наст.-буд. время);

нѣ нѣжє| лн нѣ·сѣтворнлѣ въ|нѣшьнєнѣ нѣ оуѣтрѣ|нєнѣ сѣтворн  
99в (Лк 11: 40); ѣжє ѣ конѣ|дратѣ 131а (Мк 12: 42); по нєн нѣдо|ша  
глѣще· ꙗко нѣде на|грокѣ плачєть сѣ тоу· | 152б (Ио 11: 31); ѣлнко  
рєкоуѣ ва|мѣ блѣстн сѣблѣю|дантє 158б (Мф 23: 3). Эти примеры  
можно разделить на две группы. К 1-й группе относятся формы 3 л.  
ед. ч. глагола бѣгѣти, которые встречаются уже в древнерусских руко-  
писях XI в. [Козловский 1885–1895: 79; Иванов 1982: 40]. В качестве  
причины их возникновения нельзя исключать влияние антиграфа.  
2-ю группу составляют 4 формы других глаголов, не находящие  
соответствий в древнерусских списках евангелия<sup>37</sup>. Все 4 примера  
содержатся в придаточных предложениях (1 — в условном, 1 —  
во временном с оттенком условности), что дополнительно сближает  
их с употреблением берестяных грамот, где формы без -тъ пере-  
дают предполагаемое действие [Зализняк 2004: 137]. Разговорный  
характер этих форм подтверждается и наличием исправленной формы,  
расположенной в придаточном условном: нѣ оуѣсоумннѣсѣ 127в.  
Показательны и примеры гиперкоррекции, связанные с тем, что писец  
по ошибке принял за ненормативную форму наст. времени 3 лица  
другую форму и исправил на «правильную»: нѣжє глѣють камѣ  
19а (Мф 10: 27, 1 лицо ед. ч.), нѣ прндєть 151а (Мк 10: 45, аорист).

Таким образом, в области глагольных форм наст. времени 3 лица  
у писца А наблюдаются единичные отступления от книжной нормы  
под влиянием собственного узуса.

## 5. Выводы

Рассмотрение ряда языковых особенностей МЕ позволяет кон-  
кретизировать его место в кругу древнейших восточнославянских  
рукописей.

Палеографический анализ МЕ показывает, что, кроме ранее  
отмечавшихся двух почерков рукописи, в ней присутствуют небольшие  
по объему вставки, принадлежащие трем другим писцам (писцы В,  
Г и Д). При этом по палеографическим и графико-орфографическим  
параметрам почерки писцов В и Д отличаются более поздним  
характером.

<sup>37</sup> Ср. в Мстиславовом ев.: сквьрнѣть 36а, нзндєть 83б, ндєть  
129а, рєкоуѣть 60г, 134б; также в Пантелеймоновом ев.: сквьрнѣть 43в-г,  
нзндєть 105б, ндєть 160б, рєкоуѣть 167а; но нє сѣ|творнлѣ 107б.

Разбор особенностей графики и орфографии помогает установить, что работавшие вместе над рукописью писцы А, Б и Г имели разную квалификацию. Использование большего набора графем и орфографических правил распределения графических дублетов, более аккуратный почерк, внесение правок в текст других писцов позволяет видеть в писце А (Домке) руководителя в работе над рукописью. Ученический характер письма писца Б сказывается на уровне графики, кроме меньшего инвентаря букв, также виден по наличию дополнительного нефункционального элемента — ограничительных штрихов на верхних элементах букв. Возможно, этот элемент письма перенесен писцом из практики письма на бересте, где ограничительные штрихи являются функциональными. Писец Б на первых переписанных им листах пытается подражать ряду графико-орфографических приемов первого писца.

Орфографический анализ почерков МЕ демонстрирует заметный контраст в системах написаний двух основных писцов рукописи.

Писец А пользуется дублетными графемами (напр., оу/ж), дублетными написаниями корней (напр., въс-/вс-, срѣд-/сѣред-) и аффиксов (-зынхъ/-зыхъ, -ъмь/-омь в ТП ед.) и др. приемами, затрагивающими фонетический, морфологический и словообразовательный уровни языка. Интеграция того или иного дублета в систему написаний происходит в МЕ<sub>1</sub> упорядоченно, между дублетными написаниями во многих случаях устанавливаются отношения дополнительной дистрибуции, что еще раз подтверждает высокую квалификацию первого писца.

Логика дистрибуции дублетов у писца А на фоне развития соответствующей группы написаний в памятниках XI–XIII вв. в ряде случаев является косвенным свидетельством относительно раннего создания МЕ. Так, для оформления рефлексов \**tert*, \**tort*, \**telt* писец Домка использует единый принцип распределения «болгарских» и «русских» написаний, что не соответствует дальнейшей орфографической традиции разного поведения соответствующих сочетаний с *r* и с *l*. Система написаний флексий ТП ед. в муж. и сред. роде также является индивидуальной для Домки. Она опирается на исконную систему типов склонения, что доказывает ее актуальность для писца на момент создания МЕ.

Система орфографических правил, актуальных для писца Б, гораздо менее развернута. Рядом с насыщенным книжными элемен-

тами письмом Домки написания его ученика в меньшей степени искусственны, и следовательно, более однозначно могут быть соотнесены с живой речью.

Представленность в МЕ орфографических систем разной степени сложности делает языковой анализ более результативным.

В частности, при общей хорошей сохранности редуцированных на письме в МЕ их более редкий пропуск в разных морфемах у писца Б подтверждает чисто орфографический характер их пропуска или замены на гласные полного образования у писца А.

Масштабы вариативности в рамках именного склонения в МЕ соизмеримы с показаниями древнерусских рукописей XI — первой половины XII в. Сравнительно поздний процесс унификации ИП и ВП мн., по-видимому, еще не проявляется в языке писцов МЕ, так как единичные примеры, которыми можно было бы проиллюстрировать этот процесс, допускают альтернативную трактовку, предпочтительную в свете данных палеографии, орфографии и написаний редуцированных в памятнике.

Для оформления адъективного склонения прилагательных в МЕ активно используются нестяженные формы окончаний. Их активность подчеркивается меньшей актуальностью нестяженных форм в причастиях и имперфекте глаголов. Принадлежность нестяженных форм прилагательных письму МЕ (а не антиграфа памятника), их актуальность для формирования орфографической нормы писцов доказывается их привязанностью к концу строки в рукописи.

Условия употребления форм имперфекта на -*хочуть* в деталях отличаются от наблюдаемых исследователями в других древнейших списках евангелия. Это позволяет скорректировать сформулированную в работах В. М. Живова точку зрения на жанровую обусловленность дистрибуции форм на -*хочуть*.

По употреблению аористов на -*тъ/-сть* МЕ в кругу списков, содержащих древнюю редакцию Евангелия, ближе к рукописям XI в. и отличается от списков конца XII — начала XIII в. отсутствием последовательного устранения элемента -*тъ*.

Комплекс рассмотренных в работе лингвистических и палеографических особенностей почерков МЕ объединяет рукопись с древнерусскими памятниками первой половины XII в.

## Литература

- Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М.: Иностранная литература, 1952.
- Васильев 1909 — Л. Л. Васильев. Одно соображение в защиту написаний *ьрь, ьрь, ьрь, ьль* древнерусских памятников как действительных отражений второго полногласия // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия, XXII, август, 1909. С. 294–313.
- Волков 1897 — Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI–XIV вв. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897.
- Вонтрубка 1977 — Х. Вонтрубка. Сочетание плавных с редуцированными (на материале древнерусских рукописей XI–XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. ЛГУ, Л., 1977.
- Воскресенский 1896 — Г. А. Воскресенский. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям евангелия XI–XVI вв. М.: Университетская типография, 1896.
- Гавриленко 1989 — Т. Н. Гавриленко. Отражение редуцированных гласных в рукописи XII в. // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия 2. История. Языкознание. Литературоведение, 2, 1989. С. 68–73.
- Гиппиус 2007 — А. А. Гиппиус. К вопросу о новгородском Лазаревском скриптории рубежа XI–XII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 1, 2007. С. 36–45.
- Гольщенко 1962 — В. С. Гольщенко. К вопросу о качестве плавного в корнях, восходящих к *\*tьrt, \*tьrt, \*tьlt*, в древнерусском языке XII–XIII вв. // Р. И. Аванесов (ред.). Историческая грамматика и лексикология русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 20–28.
- Гольщенко 1982 — В. С. Гольщенко. Немаркированный знак *ү* в ранних восточнославянских рукописях // С. И. Котков, Н. П. Панкратова (ред.). История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М.: Наука, 1982. С. 3–29.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Дурново 2000 (1924) — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1–337.
- Дурново 2000 (1924–1926) — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 391–494.

- Дурново 2000 (1933) — Н. Н. Дурново. Славянское правописание X–XII вв. // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 644–683.
- Евангелие 2005 — Евангелие от Матфея. Текст Мариинского евангелия XI в. с разночтениями по рукописям XI–XVI вв. // Евангелие от Матфея в славянской традиции. Подг. А. А. Алексеев, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е. И. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб.: Российское библейское общество, 2005. С. 20–160.
- Еленски 1960 — Й. Еленски. Към историята на еровите гласни в староруски език (Върху материал от Светославовия сборник, 1073 г.) // В. Георгиев, С. Романски (ред.). Езиковедско-этнографски изследвания в памет на академик Стоян Романски. София: Българска академия на науките, 1960. С. 169–194.
- Еселевич 1964 — И. Э. Еселевич. Из палеографических наблюдений над записями и приписками на древнерусских пергаментных рукописях // Вопросы теории и вузовского преподавания русского языка. Ученые записки Горьковского гос. ун-та, серия лингвистическая, 68, 1964. С. 231–251.
- Живов 2006 — В. М. Живов. Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI–XIII века // В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 9–75.
- Живов 2006 (1986) — В. М. Живов. Еще раз о правописании *ц* и *ч* в древне-новгородских рукописях // В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 131–150.
- Живов 2006 (1999) — В. М. Живов. Въ плѣну у ангеловъ, на дикомъ брегѣ — ахъ! // В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 178–199.
- Живов 2006 (2003) — В. М. Живов. ХОУ-ть-И. Об идиосинкратических факторах при выборе морфологических вариантов // В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 200–224.
- Жолобов 2006 — О. Ф. Жолобов. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: Числительные. М.: Азбуковник, 2006.
- Жолобов 2010 — О. Ф. Жолобов. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь: Вопросы Мединистики, 4, 2010. С. 5–11.
- Зайнутдинова 2004 — А. Р. Зайнутдинова. Отражение графического параллелизма в истории русского письма (отношения *ш* и *о*): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казан. гос. ун-т, Казань, 2004.

- Закшевский 1986 — Е. Закшевский. Редуцированные гласные в Милятином евангелии // Б. И. Осипов (ред.). Фонетика и письмо. Устинов: УдГУ, 1986. С. 130–144.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Зуга 2002 — О. В. Зуга. Редуцированные гласные в новгородских евангелиях XII–XIII вв. (лингвотекстологический анализ): Дис. ... кандидата филол. наук. УдГУ, Ижевск, 2002.
- Иванов 1982 — В. В. Иванов. История временных форм глагола // Р. И. Аванесов, В. В. Иванов (ред.). Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. С. 25–131.
- Иорданиди, Крысько 2000 — С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I: Множественное число именного склонения. М.: Азбуковник, 2000.
- Карский 1979 — Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979.
- Каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М.: Наука, 1984.
- Козловский 1885–1895 — М. М. Козловский. Исследование о языке Остромирова Евангелия // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1885–1895. С. 1–127.
- Колесов 1964 — В. В. Колесов. Падение редуцированных в статистической интерпретации // Вопросы языкознания, 2, 1964. С. 30–44.
- Колесов 1978 — В. В. Колесов. ВЬСЬ, ВСЬ, ВЕСЬ, ВСЕ, ВХЕ, СВЕ — “omnis” // Н. Д. Русинов (ред.). Эволюция и предыстория русского языкового строя. Межвузовский сборник. Горький, 1978. С. 28–36.
- Колесов 1980 — В. В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М.: Высшая школа, 1980.
- Колесов 2009 — В. В. Колесов. Историческая грамматика русского языка. СПб.: Academia, 2009.
- Кривко 2004 — Р. Н. Кривко. Графико-орфографические системы Бычковско-Синайской псалтири. II // Русский язык в научном освещении, 2 (8), 2004. С. 172–202.
- Кривко 2007 — Р. Н. Кривко. Язык и текст древнейших славянских служебных миней за август // Liturgische Hymnen nach byzantinischen Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.-10. Juni 2005 (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften, 117; H. Rothe (Hsrg.), Patristica Slavica, 15). Paderborn etc., 2007. P. 236–270.
- Крысько 2007 — В. Б. Крысько. Очерки по истории русского языка. М.: Гнозис, 2007.

- Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Издательство Московского университета, 1953.
- Кузнецов и др. 2006 — А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. III: Прилагательные. М.: Азбуковник, 2006.
- Малкова 1979 — О. В. Малкова. Ошибки писцов и лингвистическая интерпретация древних текстов // Вопросы языкознания, 6, 1979. С. 108–120.
- Марков 1974 — В. М. Марков. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974.
- Марков 1983 — В. М. Марков. К истории неорганической гласности в русском языке // Вопросы языкознания, 4, 1983. С. 109–120.
- Марков 2007 — В. М. Марков. К истории редуцированных гласных в русском языке. 2-е изд., исправленное и дополненное. Казань: Казанский гос. университет, 2007.
- Миронова 2005 — Д. М. Миронова. Классификация рукописей Евангелия от Матфея // Евангелие от Матфея в славянской традиции. Подг. А. А. Алексеев, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е. И. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб.: Российское библейское общество, 2005. С. 163–168.
- Мирочник 1973 — Е. Ш. Мирочник. Из истории форм -й (-ь) и -б основ в древнерусском языке // Вопросы русского и общего языкознания. Научные труды, 449, 1973. С. 95–110.
- Мольков 2014a — Г. А. Мольков. Об одной палеографической особенности почерка второго писца Милятина евангелия // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 1, 2014. С. 178–186.
- Мольков 2014b — Г. А. Мольков. Употребление стяженных и нестяженных форм прилагательных, причастий и глаголов в Милятином евангелии // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 23–25 июня 2014 г. 2014. С. 667–678.
- Мольков 2014c — Г. А. Мольков. Развитие орфографической системы новгородского писца Домки (на примере оформления флексии творительного падежа единственного числа в мужском и среднем роде) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 3 (57), 2014. С. 21–30.
- Мольков 2014d — Г. А. Мольков. Написание приставок пръ- и прн- во втором почерке Милятина евангелия // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 3, 2014. С. 39–44.
- Мошкова, Турилов 2003 — Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. «Плоды ливанского кедра». М.: Институт русского языка, 2003.

- Обнорский 1912 — С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII века // Исследования по русскому языку, 1, 3, 1912.
- Обнорский 1924 — С. П. Обнорский. Исследование о языке Минеи за 1097 г. // Известия Отделения русского языка и словесности РАН, XXIX, 1924. С. 167–226.
- Осипов 1986 — Б. И. Осипов. Милятино евангелие: датировка, графика, орфография, пунктуация // Б. И. Осипов (ред.). Фонетика и письмо. Устинов: УдГУ, 1986. С. 145–158.
- Осипов 2010 — Б. И. Осипов. Судьбы русского письма. Омск: Омский научный вестник, 2010.
- Пичхадзе 2006 — А. А. Пичхадзе. Южнославянские традиции в древнерусской письменности: приращение *-ть/-сть* в аористе // А. А. Пичхадзе, А. М. Молдован, Р. А. Евстифеева (ред.). Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 129–146.
- Попов 2004 — М. Б. Попов. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- Попов 2006 — М. Б. Попов. К вопросу о написаниях типа *трот* < \*ТЪРТ в рукописях XIV–XV вв.: слоговые плавные или второе полногласие? // Русский язык в научном освещении, 12, 2006. С. 230–241.
- Рябова 2004 — Е. В. Рябова. Функционирование буквенных дублетов в Новгородских Евангелиях XII–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. УдГУ, Ижевск, 2004.
- Сидоров 1966 — В. Н. Сидоров. Редуцированные гласные *ъ* и *ь* в древнерусском языке XI в. // В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка. М.: Наука, 1966. С. 5–37.
- Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М.: Университетская типография, 1907.
- Соколова 1930 — М. А. Соколова. К истории русского языка (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666) // Известия по русскому языку и словесности АН СССР, III, 1930. С. 75–135.
- Соколова 1962 — М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1962.
- Срезневский 1882 — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка (X–XII вв.). Общее повременное обозрение. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1882.
- Стенсланд 1985 — Л. Стенсланд. Почему древненовгородские писцы делали так мало ошибок при написании аффрикат *ц* и *ч* // Russian Linguistics, 9, 1985. P. 27–33.
- Столярова 1994 — Л. В. Столярова. О времени создания, писце и заказчике Милятина евангелия // Н. А. Мудрова (ред.). Книжные собрания

- русской провинции: Проблемы реконструкции. Екатеринбург: Банк культ. информ. Обл. науч. б-ка, 1994. С. 3–32.
- Столярова 1998 — Л. В. Столярова. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М.: Наука, 1998.
- Столярова 2000 — Л. В. Столярова. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М.: Наука, 2000.
- Столярова 2010 — Л. В. Столярова. Скрипторий рубежа XI–XII вв. — новгородский монастырь св. Лазаря // Л. В. Столярова, С. М. Каштанов (ред.). Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 170–203.
- Тимберлейк 1997 — А. Тимберлейк. Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопросы языкознания, 5, 1997. С. 66–86.
- Тот 1976 — И. Х. Тот. Консонантные основы склонения существительных в древнерусских рукописях XI–XII вв. // Проблемы исторического языкознания 1. История русского языка. Древнерусский период. Л.: ЛГУ, 1976. С. 55–65.
- Тот 1985 — И. Х. Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI — начале XII в. София: Изд-во БАН, 1985.
- Турилов 1981 — А. А. Турилов. Деятельность Археографической комиссии в 1980 г. // Археографический Ежегодник, 1981. С. 342–345.
- Успенский 1973 — Б. А. Успенский. Древнерусские кондакари как фонетический источник // С. Б. Бернштейн (ред.). Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 314–346.
- Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002.
- Уханова 2006 — Е. В. Уханова. Древнейшая русская редакция Студийского устава: происхождение и особенности богослужения по Типографскому списку // Б. А. Успенский (ред.). Типографский устав с кондакарем конца XI — начала XII в. Т. III. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 239–253.
- Уханова 2009 — Е. В. Уханова. О становлении новгородского книгописания в XI — начале XII в. // С. Ф. Вигасина, А. П. Владимиров, Э. Н. Добрынина, Л. И. Лифшиц (ред.). Хризограф. Вып. 3. Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи. Труды международной научной конференции, Москва, 5–7 сентября 2005 г. М.: СканРус, 2009. С. 204–237.
- Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Издательство Московского университета, 1990.

- Фалев 1927 — И. А. Фалев. О редуцированных гласных в древнерусском языке // Язык и литература 1, II, 1927. С. 111–122.
- Шахматов 1957 — А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М.: Учпедгиз, 1957.
- Шахматов 2002 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. М.: Индрик, 2002.
- Шевелева 1995 — М. Н. Шевелева. Новые данные церковнославянских рукописей о рефлексах сочетаний редуцированных с плавными и развитии «второго полногласия» // Вопросы языкознания, 4, 1995. С. 78–93.
- Шепелева 1972 — Р. Д. Шепелева. История флексий дательного, творительного и местного падежей множественного числа имен существительных (по материалам письменности XI–XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. ЛГУ им. А. А. Жданова, Л., 1972.
- Шульга 2003 — М. В. Шульга. Развитие морфологической системы имени в русском языке. М.: МГУЛ, 2003.
- Ягич 1886 — И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб.: Отделение русского языка и словесности Академии наук, 1886.
- Янакиева 1989 — Цв. Янакиева. Отражение форм имперфекта с вторичными личными окончаниями в памятниках письменности Древней Руси // Die slavischen Sprachen, 17, 1989. P. 37–56.
- Янин 1982 — В. Л. Янин. Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. — новгородский монастырь св. Лазаря // Археографический ежегодник за 1981 г., 1982. С. 52–64.
- Янин, Зализняк 2000 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.), X, 2000. С. 134–429.
- Lunt 1987 — H. G. Lunt. On the Relationship of Old Church Slavonic to the Written Language of Early Rus' // Russian Linguistics, 11, 2/3, 1987. P. 133–162.